

**ВИКТОР
КОЖЕМЯКО**

ДЕЗА

**ЧЕТВЕРТАЯ ВЛАСТЬ
ПРОТИВ СССР**

Враги России

Виктор Кожемяко

**Деза. Четвертая
власть против СССР**

«Алгоритм»

2017

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6

Кожемяко В. С.

Деза. Четвертая власть против СССР / В. С. Кожемяко —
«Алгоритм», 2017 — (Враги России)

ISBN 978-5-906947-09-3

Российская история советского времени сегодня особенно изощренно фальсифицируется как за рубежом, так и у нас дома. Для чего? Для уничтожения самой России. Да, как мы убедились (вспомните горбачевскую «гласность»), прошлое может быть очень ловко использовано для перекройки и даже ликвидации будущего. Целой страны! Ведь СССР в результате не стало. Внушение народу комплекса исторической неполноценности, ущербности, преступности и теперь сопровождается игрой по тем же знакомым нотам: незаконный Октябрьский переворот и жестокость большевиков во время Гражданской войны, кровавый сталинский режим и 1937 год, репрессии и ГУЛАГ... Эта книга — о трагических, роковых и великих страницах истории нашей страны в XX веке, а еще — о нынешнем отношении к ним.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-906947-09-3

© Кожемяко В. С., 2017
© Алгоритм, 2017

Содержание

Знать правду о прошлом во имя будущего. К читателям	6
Глава первая. Как действуют противники исторической правды. Кто же для России нерукопожатен	8
«Еврейский вопрос»?	17
Заказная сага	24
Далек этот Арбат от страны родной	28
Превознесение предательства	35
Оскорбление с претензией	40
Анτισоветское толкование советского героизма	47
Враньем по Сталину	50
Жалкие потуги ничтожеств и лжецов	53
Можно ли перевернуть великого поэта?	59
Фальсификат в «Подстрочнике»	64
Герои или изгои?	71
Несостоятельный праздник	75
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Виктор Кожемяко

Деза. Четвертая власть против СССР

© Кожемяко В. С., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Знать правду о прошлом во имя будущего. К читателям

Эта книга — о трагических, роковых и великих страницах истории нашей страны в XX веке, а еще — о нынешнем отношении к ним.

Российская история советского времени сегодня особенно изощренно и широко фальсифицируется как за рубежом, так и у нас дома. Кем? Назовем их обобщенно десталинизаторами, имея в виду известное направление властных усилий. Для чего? На первый взгляд, чтобы окончательно заклеить и похоронить все светлое в памяти о советской эпохе для недопущения возврата к социальной справедливости. Если же взглянуть глубже, целью видится уничтожение России.

Да, как мы убедились (вспомните горбачевскую «гласность»), прошлое может быть очень ловко использовано для перекройки и даже ликвидации будущего. Целой страны! Ведь Советского Союза в результате не стало. Внушение народу комплекса исторической неполноценности, ущербности, преступности и теперь сопровождается игрой по тем же знакомым нотам: незаконный Октябрьский переворот и жестокость большевиков во время Гражданской войны, кровавый сталинский режим и 1937 год, репрессии и ГУЛАГ...

Знаковым стало внедрение солженицынского сочинения «Архипелаг ГУЛАГ» в школьную программу для обязательного изучения. Но несет ли истину о сложнейшем историческом периоде этот «роман»? Ту истину, которая — согласимся с В. И. Лениным — конкретна: все зависит от условий, места и времени.

Мне, журналисту «Правды», на газетных страницах постоянно приходится вступать в бой с фальсификаторами и предателями памяти, свидетельство чему многие статьи, очерки и беседы, вошедшие в данную книгу. Но в одиночку с такой задачей я не справился бы. Раскрывать неопровержимую правду прошлого помогают честные ученые, добросовестные специалисты, глубоко исследующие ту или иную историческую тему.

Например, если обратиться к упомянутому ГУЛАГу, поистине бесценные сведения получил я от историков Юрия Николаевича и Михаила Юрьевича Моруковых, отца и сына, много лет занимающихся изучением не мистифицированного, а реального ГУЛАГа и готовых чуть ли не постранично опровергать Солженицына и всех других, кто спекулировал и продолжает спекулировать на этой теме, а им несть числа.

Спекулировать легко, если люди плохо знают подлинную историю. Этим и пользуются фальсификаторы. Вот злобный и лживый Сванидзе в циклах популярных телепередач «Суд времени» и «Исторический процесс», как только заходил разговор о достижениях советской созидательной работы в предвоенные и послевоенные годы, немедленно с апломбом заявлял: «Это все построили лагерники!» Так было и в передаче, посвященной первой пятилетке. Но поднявшийся с места человек уверенно сказал: «Один процент!» «Что один процент?» — переспросили его. «Лагерники построили от всего созданного за первую пятилетку». И тут же убедительно, со знанием дела это раскрыл.

Вот что значит глубинное проникновение в тему и доскональное знание ее Юрием Николаевичем Моруковым. Именно поэтому он и продолжающий дело его жизни сын Михаил стали моими собеседниками. Результат нашего многодневного творческого сотрудничества — в книге, которую вы сейчас листаете («Неизвестный ГУЛАГ»).

Еще одним примером такого сотрудничества может быть следователь по особо важным делам Владимир Николаевич Соловьев. Ему выпало расследовать историю и обстоятельства расстрела бывшего царя Николая II и его семьи. За годы своей работы он стал, можно сказать, авторитетнейшим знатоком этой жгучей темы, которая неизменно волнует многих, но по

которой тоже немало спекуляций. И его захватывающий рассказ не только восстанавливает в подробностях (иногда почти никому не известных) напряженное противоборство разных сил вокруг царской семьи, но и дает ответ на ряд вопросов, до сих пор вызывающих острейшие, ожесточенные споры.

Может быть, первый среди этих вопросов такой: Ленин причастен к тому расстрелу? Кто-то в этом абсолютно уверен, и логика тут элементарная. Как же, царскую семью расстреляли большевики, а Ленин – их вождь...

Но что вы скажете, если узнаете, что слово «ленинец» в руководстве уральских большевиков того времени было ругательным? О причинах говорится в беседе с Владимиром Николаевичем Соловьевым, их необходимо знать. К тому же в Уралсовете сильны были тогда позиции левых эсеров, которые своим давлением очень повлияли на принятое решение. А ведь через полтора месяца левые эсеры организуют покушение на Ленина! Если же учесть и еще множество конкретных фактов, то получается, что за расстрел этот в ответе вовсе не Ленин, который к нему не причастен, а наоборот – антиленинцы.

Реальные факты и реальные цифры – вот к чему надо обращаться, чтобы опровергать фальсификаторов истории, которые реальность всячески извращают. Утверждается, скажем, что Сталин устроил геноцид народа в Советской стране. Однако за время с 1922 по 1940 год естественный прирост населения в СССР составил 32 миллиона человека. Разве похоже на геноцид?

А сколько злостных антисоветских и антирусских выдумок вдолбили в головы людей о Великой Отечественной войне! Что выиграли ее не благодаря Сталину и партии коммунистов, а вопреки; что к войне страна совершенно не готовилась; что советские маршалы и генералы были бездарными, воевать не умели, а только заваливали врага трупами наших солдат...

По этим и другим острейшим вопросам я провел цикл бесед с целой группой ученых, которым есть все основания доверять. И те цифры, факты, обстоятельства подготовки к войне и хода ее, которые приведены в главе «Победа и Сталин», сомнению не подлежат.

Впрочем, вряд ли стоит комментировать главы книги одну за другой. Лучше ее прочитать. И тогда правда нашего прошлого на самых крутых исторических перепадах предстанет перед вами яснее и убедительнее, опровергая ложь, навязываемую врагами России.

«Вихри враждебные веют над нами...» Они веют извне, из-за рубежа, но не меньше – и от «пятой колонны», от врагов внутренних, которые ненавидят Россию с ее прошлым и хотят, чтобы у нее не было будущего.

Нам надо их победить. Нашим знанием, нашей убежденностью, нашей любовью к родной стране.

Глава первая. Как действуют противники исторической правды. Кто же для России нерукопожатен

«...Нынешние политические воззрения Бондарева суть пещерный сталинизм, делающий его для меня нерукопожатным», – провозгласил недавно Михаил Ефимович Швыдкой. Тот самый, который уверен, что русский фашизм страшнее немецкого. А в данном случае речь идет о выдающемся русском советском писателе Юрии Бондареве. Это ему доктор искусствоведения, как он представлен в «Российской газете», не намерен подавать руки. Значит, выявлен «сталинизм» у современного литературного классика. Почему же еще и «пещерный»? И если так, то существует ли пещерный антисталинизм, есть ли пещерные антисталинисты? Во всем этом и кое в чем еще необходимо разобраться.

От Григория Яковлевича Михаилу Ефимовичу

Сюжет с Юрием Бондаревым возник в статье Швыдкого вроде бы мимоходом. Вообще-то посвящена она книге молодого писателя Захара Прилепина, в которой тот собрал свои интервью последних лет с тридцатью другими прозаиками, поэтами, переводчиками, критиками. Но вот в связи с тем, что «почвенники» у Прилепина трактуются, как правило, положительно, а «либералы» отрицательно, автор статьи взялся за писателя-фронтовика.

Причем оригинально, надо сказать, взялся! Припомнив давний телефонный разговор, о котором счел нужным поведать в газете. Поведаю вслед за ним и я – процитирую Швыдкого:

«Миша, прошу Вас, никогда не упоминайте мое имя вместе с именем Бондарева!» – Григорий Яковлевич Бакланов говорил сухо и жестко, но даже в его телефонном голосе угадывалось огорчение от того, что он, человек, прошедший войну и обладающий офицерским чувством чести, вынужден объяснять мне, в ту пору популярному театральному критику, очевидные, как ему казалось, вещи. «Прошу Вас, ни в хорошем, ни в дурном смысле, никогда не упоминайте нас вместе». И повесил трубку».

Вот какой интересный состоялся разговор. Вы не находите, что просьба писателя Бакланова, обращенная к «популярному театральному критику», была весьма странной, как странно и то, что критик решил ее обнародовать? Ведь звучит она по отношению к писателю Бондареву оскорбительно! Это что же такое запредельное должен совершить человек, какую крайнюю неприязнь должен у меня вызвать, чтобы недопустимым (в любом контексте!) стало даже простое упоминание его имени рядом с моим...

Однако Швыдкой хоть и огорчился тогда, по его признанию, таким звонком, но, похоже, не очень был удивлен. «Понятно, – пишет, – что уже в 70-е их развело навсегда». То есть Бондарева и Бакланова развело, двух писателей фронтового поколения. Но виноват, как по всему изложению следует, только Бондарев. А в чем же конкретно обвиняется?

Самому автору статьи это настолько ясно, что он не считает нужным ничего объяснять читателям. Мол, понятно: Бондарев есть Бондарев. А добавление про «пещерный сталинизм, делающий его для меня нерукопожатным», окончательно забивает гвоздь категорической несомненности по самую шляпку.

Утробная ненависть

Ключевое слово в рассуждениях Швыдкого именно это – «понятно». Оно означает, что система координат, оценки, предпочтения, места в неписаной табели о рангах – все давно и неизменно определено, так что говорить на сей счет, собственно, излишне.

Вы спросите: кем определено? Ну это как бы само собой разумеется: принято между ними, так сказать, в приличном обществе.

«Понятно, – пишет Швыдкой именно как о само собой разумеющемся, – что Бондарев даже тогда, в 60-е, не был фигурой первого ряда...» Первого ряда литературы, имеется в виду. И вы обязаны, не думая, принимать это: не был.

А я вот скажу, что был. Да еще как в сравнении с некоторыми перечисленными именами «удостоенных»! Более того, он и остается, и останется в первом ряду. Не для Швыдкого? Да. Но для России. Разница тут большая, и об этом мы еще поговорим. Хотя можно меня обвинить в субъективизме суждений (в этом Швыдкой обвиняет и Прилепина), но разве не очевиден вопиющий последовательный субъективизм самого Швыдкого и прочих нынешних законодателей мод, диктаторов «общественного мнения»?

Как оно создается, это «мнение», мы тоже видим. Позвонил в свое время Григорий Яковлевич Михаилу Ефимовичу и сказал: «Миша, я прошу Вас...» Теперь же вот правительственная (!) «Российская газета», где Швыдкой ведет свою постоянную колонку (!), его устами еще раз все затвердила.

А Бондарев в «Российской газете» не выступает. Ему тут быть не положено. Почему? Да понятно, говоря по Швыдкому: «пещерный сталинизм».

В общем, замешено все отнюдь не на художественных достоинствах писателя, выводящих или не выводящих его в «первый ряд», а на самой что ни на есть горячей политике. На идеологии. Это я не открытие делаю. Это давным-давно хорошо известно. А нынешняя «узаконенная» расстановка приоритетов в литературе и искусстве определилась по существу во время так называемой перестройки. И определилась опять-таки идеологией и политикой.

Вспомните, в разгар перестроечной эйфории, когда туманные и скользкие речи Горбачева морочили голову чуть ли не всей стране, прозвучал отрезвляющий, предупреждающий голос Юрия Васильевича Бондарева, уподобившего эту самую «перестройку» самолету, который в воздух подняли, но не знают, где посадить. Скандал! Заверещали швыдкие, завизжали об угрозе демократии. Тогда-то и списали они большого художника (окончательно списали!) в лагерь «ретроградов», «консерваторов», «сталинистов».

Набор клеймящих ярлыков у них широкий и постоянно расширяющийся. С утверждением во власти Ельцина пошли в ход против его недоброжелателей новые ругательства: «русские фашисты», «совки», «коммуняки» и «красно-коричневые», «патриотизм – последнее прибежище негодяев». Все это подряд лепили в том числе и на героя Великой Отечественной войны Юрия Бондарева. Тем более что он публично выразил свое отношение не только к Михаилу Сергеевичу, но и к Борису Николаевичу, демонстративно отказавшись от его ордена к своему юбилею – в знак протеста против расстрела Верховного Совета. Каково, если швыдковские «светочи культуры» добивались этого расстрела и всячески провоцировали его, а сорок два самых «светлых светоча» потребовали потом и дальнейшей расправы над непокорными, направив специальное открытое письмо президенту.

Они любят президентов

Подписавшие кроважидное письмо и те, которые были вместе с ними, уже и до этого командовали в культуре, ну а после роковых для страны событий еще больше утвердили свои

правлящие позиции. Если опять пользоваться терминологией Швыдкого, «либералы» одержали полную победу над «почвенниками», установив абсолютную диктатуру своих взглядов и пристрастий, вкусов и приоритетов. На телевидении, в прессе, в издательской политике, на эстраде, в кино и театре, в живописи и музыке... Да во всей общественной жизни!

Потому что пришла ИХ власть. «Мы любим наших президентов, наших руководителей, – с упоением заявляет один из них. – Они, к счастью, теперь наши. Они любят нас, понимают, дают зеленую улицу и прочее, и мы тоже любим их, любим заслуженно и естественно. Это – люди нашей формации».

Время-то летит, поговаривают, что того и гляди может грянуть «перестройка-2», а установленные приоритеты остаются прежними. Хотя время кое-что серьезно изменило и продолжает менять, выдвигая одну за другой проблемы, отмахиваться от которых, делая вид, будто их нет, все труднее. В том числе с упомянутой «перестройкой-2», маячащей где-то на горизонте или у кого-то в головах. Ведь главная цель ее, что порой откровенно прорывается, ни много ни мало – «окончательная десталинизация» и «полная десоветизация» нашего общества. Но к чему это ведет и чем для страны может кончиться?..

Швыдкие очень бдительно отслеживают не только общую ситуацию в стране и вокруг нее, но и частные, казалось бы, факты, которыестораживают их с точки зрения происходящих в обществе процессов.

Вроде бы, подумаешь, что за событие – книга интервью молодого, пусть и достаточно известного уже писателя, чтобы посвящать ей пространные рассуждения в правительственной газете. Но Михаил Ефимович неспроста (ох, неспроста!) остановился на ней. Задело, что взаимоотношения «почвенников» и «либералов» трактуются, как я уже отмечал, не в пользу последних. А разве можно такое допустить? Это же вопиющее нарушение канона, установленного швыдкими! Чтобы Бондарев, Белов, Распутин характеризовались сегодня положительно...

«Пишу это не для них, понятно (!), – комментирует свои назидания доктор искусствоведения, – а для Прилепина, чье прекраснородство, заключенное прежде всего в желании доброжелательно расслышать чужую точку зрения и защитить чужую свободу, так привлекательно в этой книге и так отличает от многих старших товарищей (ясно, что в первую очередь имеются в виду опять Бондарев, Распутин, Белов. – В. К.). И разговор с Баклановым вспомнил для него же. Хотя бы для того, чтобы его не покинуло это самое замечательное прекраснородие, когда кто-то из упомянутых им в списке через запятую, – а он пытается не забыть всех, от Проханова и Лимонова до Улицкой и Гандлевского, – не позвонит ему и не скажет, чтобы он никогда не упоминал его имени вместе с имярек».

Вы понимаете? Предупреждает! Ориентирует на будущее. Учти, мол, дорогой Захар Прилепин. И здесь же выговаривает самое главное, что, как легко улавливается, под углом «перестройки-2» больше всего побудило Швыдкого все это написать: «Некоторые из сближений Прилепина и его собеседников, элементы их мировидения и мировоззрения вызывают у меня по меньшей мере удивление. Они в большинстве своем никак не могут понять, что мифологизация советской власти, узурпировавшей свободу жизни и творчества, власти унижительной и унижающей, не лучшая антирифма нынешнему житью-бытью».

Вот это и есть главное! О Советской власти, советском времени не должно говориться ничего хорошего. Про нынешнее «житье-бытье» и теперешнюю власть г-н Швыдкой выражается предельно эластично, зато власть Советская для него – однозначно «унижительная и унижающая». И он «по меньшей мере» удивляется, что другие этого «никак не могут понять».

Среди непонимающих – те же Белов и Распутин, чье творчество, как уверяет Швыдкой, «по существу своему было божественным вызовом тому чудовищному историческому эксперименту, который был произведен большевиками над русским народом прежде всего».

Так вот, после всего, что было создано «этими гениальными русскими писателями второй половины XX века» – комплимент от Швыдкого! – ему «как-то неловко читать их опусы, где восхваляется советская власть то в обличье Московского царства, то Петровской империи. После всего ими самими пережитого больно читать их призывы к искоренению инакомыслия».

Откровенно говоря, ни разу не доводилось читать у этих писателей призывов к искоренению инакомыслия. Загадкой также остается, что такое Советская власть в обличье Московского царства и Петровской империи. Видимо, прорвалось здесь известное неприятие швыдкими и этих периодов нашей истории, то есть всей ее в целом. Однако советский период, названный Александром Зиновьевым вершиной российской истории, по неприятию у них – на первом месте. Против него идет основная и самая непримиримая их борьба, которую они яростно развернули еще с конца 80-х – начала 90-х. И вот теперь, затеяв «перестройку-2», намерены ударно завершить, проведя в стране «полную десоветизацию».

Предатель Власов как заслуженный антисталинист

Об исходной причине этих неистовых усилий хорошо сказал человек, сам находившийся в швыдковском лагере, а потом, как раз за инакомыслие, выгнанный, – литературный критик Ефим Лямпорт. Поставив вопрос о том, что больше всего мешало «рвачеству и грабежу приватизации», он отвечает: «Великая история великого СССР».

Бывают же такие прозрения среди «либералов»! Да, конечно, она, то есть великая советская история, «стояла на пути березовских. И был отдан приказ ее уничтожить. Советский коммунизм победил фашизм? Но ведь именно советские законы и принципы должны были быть разрушены на пути к обогащению, а из этого следовало, что фашизм должен был быть реабилитирован».

Вот один из фактов такой реабилитации, точнее – отношение к нему Лямпорта, и обернулся для него изгнанием из «Независимой газеты». А факт следующий.

В журнале «Знамя», где тот самый Григорий Яковлевич Бакланов во время «перестройки-1» был главным редактором и который до сих пор по духу остается его журналом, появляется (с большой помпой!) роман Георгия Владимова «Генерал и его армия». И тут же был выдвинут на премию Букер, престижнейшую для «либералов». Но Лямпорт, работавший в «Независимой газете», расценил этот роман как «прямую апологию предателя, фашиста генерала Власова», о чем написал статью под заголовком «Литературный власовец».

«Учитывая, что отечественный либерализм на данном этапе совсем обезумел и в своей антикоммунистической страсти готов обниматься хоть с чертом, хоть с Гитлером, – писал Ефим Лямпорт, – у меня нет никаких сомнений, что Владимов получит за свой роман премию Букер».

Так оно и вышло! Получил. А с Лямпортом, бывшим единомышленником, вдруг поплывшим «не в струю», немедленно рассчитались.

«За что меня выгнали с работы и заставили уехать из страны? – спрашивает он теперь. – За то, что я со страниц «Независимой» сказал обезумевшей либеральной клике, породнившейся с криминалом и фашизмом, что присуждение премии роману Владимова есть не что иное, как ревизия решений Нюрнбергского суда. Прямая реабилитация исторического фашизма. Преступление».

Лямпорт, по-моему, очень точно вскрывает психологию и логику этой «обезумевшей клики»: «Ну а что особенного? Генерал Власов – антисталинист (напомню, писатель Бондарев – «пещерный сталинист»! – В. К.), сын раскулаченного, русский патриот. Служил у Гитлера? И хорошо. И, значит, так и надо. Они бы и Чикатило тогда реабилитировали, если бы

Чикатило осудили в 1936 году. Жертва сталинских репрессий. Друг женщин и детей. Запросто».

Долой Сталина и да здравствует Гитлер!

В самом деле, разделительная линия той «кликой» весьма просто была определена: кто за Сталина, то есть за Советскую власть («сталинисты») – все однозначно плохие, кто против («антисталинисты») – хорошие. В этом смысле генерал Власов или, скажем, Бандера вне подозрений. Как же, воевали против Сталина, то есть против Советского Союза, против коммунистов.

А если эту логику продолжить, то кто получается главный антисталинист? Конечно, Гитлер!

Так его и приветствовали в свое время многие антисоветские силы в мире, включая, например, Русскую православную церковь за рубежом: «Бог да укрепит Вас и германский народ в борьбе с враждебными силами, желающими гибели и нашего народа. Да подаст он Вам, Вашей стране, Вашему Правительству и воинству здравие, благоденствие и во всем благое поспешение на многая лета... Да благословит Господь новый ратный подвиг всех антибольшевицких бойцов и даст им на врагов победу и одоление».

Это провозглашалось когда-то, но зарубежная Русская православная церковь, недавно воссоединившаяся с РПЦ, и сегодня, проклиная Сталина, в унисон с нашими доморощенными «либералами» славит гитлеровца Власова. Собственно, гитлеровцы и Гитлер остаются первейшими борцами против Сталина и сталинизма, хуже которых якобы никогда ничего не было и нет.

Вот именно поэтому журналист Минкин и сформулировал свое знаменитое пожелание: «Лучше бы фашистская Германия в 1945-м победила СССР. А еще лучше б – в 1941-м!»

Именно поэтому Сванидзе (теперь, между прочим, член президентской комиссии «по противодействию фальсификации истории») утверждает абсолютное преимущество Гитлера, который, по его мнению, защищал свой народ, а Сталин – убивал.

Именно поэтому Швыдкой назвал свое громкое телешоу – «Русский фашизм страшнее немецкого».

Нет, здесь не просто игровая провокация. Швыдкие так и считают, превосходя в этом даже некоторых своих американских и европейских единомышленников. Если, например, Парламентская ассамблея Совета Европы уравнивает Сталина и Гитлера, коммунизм и фашизм, Советский Союз и нацистскую Германию, то для швыдких, минкиных и им подобных Сталин, коммунизм, Советский Союз – гораздо хуже!

Идет это во многом от Солженицына, который, оправдывая генерала Власова и власовцев, написал в своем «Архипелаге ГУЛАГ»: «Эти люди... знали... что на всей планете и во всей истории не было режима более злого, кровавого и вместе с тем более лукаво-изворотливого, чем большевицкий... Что ни по числу замученных, ни по вкоренчивости на долготу лет, ни по дальности замысла, ни сквозной унифицированной тоталитарностью не может сравниться с ним никакой другой земной режим, ни даже ученический гитлеровский...»

Нужны ли комментарии?

Кстати тут будет процитировать и программный «перестроечный» фильм солженицынского ученика Станислава Говорухина «Так жить нельзя»: «Преступления в нашей стране: искусственный голод, геноцид, массовые убийства – все это по масштабам и жестокости несопоставимо с преступлениями гитлеризма». Вы понимаете? Несопоставимо!

Под такими лозунгами и был уничтожен Советский Союз. Теперь – очередь за Россией, и готовящаяся «перестройка-2» призвана внутри страны (всей силой «пятой колонны»!) поддерживать притязания Запада.

Притязания эти в конечном счете вполне прагматические – материальные, финансовые, территориальные. Но говорят, видите ли, о морали. Вся свистопляска вокруг так назы-

ваемого пакта Молотова – Риббентропа и начала Второй мировой войны, устроенная в связи с 70-летием этих событий, нацелена не в прошлое, а в наш сегодняшний день, в наше будущее.

Власть заежилась, но «элита» у нее прежняя

Прицел взят давно. Между тем власть российская будто лишь сегодня спохватилась. Президент Д. Медведев наконец-то заявляет: «Нельзя называть черное белым. Нельзя называть, допустим, агрессором того, кто обороняется». Премьер В. Путин 1 сентября отправляется в Польшу, и его пресс-служба комментирует это как «первую попытку противостоять ревизии Второй мировой войны». А накануне по Первому каналу показывают достаточно четкий телефильм «Мог ли Сталин остановить Гитлера?», который заканчивается многозначительным вопросом: «Может быть, у России хотят отобрать величайшую Победу в истории?»

Хотят! Уже всю отбирают! И не только из-за рубежа, не только в США и ПАСЕ, в странах Восточной Европы и Балтии, на Украине и в Грузии, где созданы и продолжают создаваться музеи «советской оккупации», где воевавшие на стороне Гитлера недобитые фашисты провозглашаются национальными героями. А разве у нас в стране – по сути – происходит не то же самое? С «перестройки», с 90-х годов!

Ну и докатились. Упомянувшийся Лямпорт, возмущенный реабилитацией предателя Власова и многими другими фактами «страшной мутации общественного сознания», в недавнем интервью сказал: «Сейчас в России дебатировалась целесообразность принятия закона, предусматривающего ответственность за фальсификацию истории. В одной из формулировок закона, принадлежащей, кажется, Шойгу, речь шла об ответственности за отрицание роли советского народа в победе над фашизмом. Я не хочу здесь говорить о самом законе – не место. Но то, что необходимость в нем возникла, есть прямой результат деструктивной либеральной практики 90-х».

Безусловно! А разве эта практика целиком уже в прошлом? Лямпорт вспоминает, как массированно нагнеталась «комбинированная антисоветская, фашистская, антипатриотическая истерия». Что ж, может быть, сейчас она не столь массированная и порой тоньше камуфлируется, но разве ее уже нет? И разве сегодня многие материалы по российскому телевидению и в российской прессе по-прежнему прямо не перекликаются с тем, что катит на нашу страну из-за рубежа?

Вот позиция правительственной (!) «Российской газеты». Не где-нибудь, а именно здесь постоянным колумнистом стал Михаил Швыдкой. И в это же самое время, когда глава российского правительства вроде бы пытается (пусть неуверенно, сбивчиво, путано) «противостоять ревизии Второй мировой войны», то есть возложению равной ответственности за нее на гитлеровский рейх и сталинский Советский Союз, другой постоянный колумнист правительственной газеты – Леонид Радзиховский выступает здесь с колонкой под выразительным заголовком «Братья-разбойники». А в ней утверждается ровным счетом то, чему премьер как раз «противостоит» в это время, выступая на польской земле: разбойники они оба, братья родные – СССР Сталина и Третий рейх Гитлера...

Словом, никуда не исчезли идеологи и практики развала Советского Союза. По-прежнему при деле, в том числе, как видим, на самой высокой трибуне – правительственной. По-прежнему входят в несменяемую «элиту». Достаточно было взглянуть в список «Звездные гости» на недавней XXII Московской международной книжной выставке-ярмарке. Знакомые все лица! Радзинский, Розовский, Хакамада... А вот и он, «Швыдкой Михаил – специальный представитель Президента РФ по международному культурному сотрудничеству,

президент Академии российского телевидения, доктор искусствоведения, профессор РГГУ и РАТИ, телеведущий, лауреат Госпремии РФ».

Все титулы даю так, как указано в списке. А указано для того, чтобы вес этого деятеля подчеркнуть, включая его вес и во власти. Пусть теперь не министр, но ведь «специальный представитель Президента»! И постоянный автор правительственной газеты, во многом задающий в ней тон...

Кем лучше быть – сталинистом или ельцинистом?

Ловлю себя на мысли, что, начав эти заметки со швыдковского обвинения Юрия Васильевича Бондарева в сталинизме, я не попытался далее определить, а что, собственно, это значит.

Определить, конечно, должен бы Швыдкой, коли обвиняет. Однако «у них» это не принято. «Сталинизм», «сталинист» в их употреблении – не термины, несущие какой-то вменяемый смысл, а просто ругательные ярлыки.

Вообще, что касается Сталина – и Ленина тоже! – в нынешнем официальном отношении к ним искать вменяемые смыслы и тем более строго выверенную научную обоснованность не приходится. Все тут главным образом на уровне эмоций, политической заданности, тех самых ругательных ярлыков. Не считать же в самом деле за науку «труды» Радзинского, Млечина или Сванидзе о Сталине. Между тем именно на них и им подобных сочинениях, начало которым у нас в стране положено пресловутым «закрытым» докладом Хрущева, официальное отношение к Сталину теперешней власти и базируется.

Известно, что за последние годы появилось немало иных, несравнимо более объективных и глубоких работ по сталинской тематике. Но на властную позицию они пока никоим образом не влияют. Почему? Швыдкие на страже! Иногда – в лице самого председателя правительства или самого президента.

Это же лично Путин по настоянию вдовы Солженицына дал недавно указание включить в школьные программы «Архипелаг ГУЛАГ». Для чего? Чтобы словосочетание «сталинские репрессии» прочно внедрялось в головы уже с детства.

А сталинская индустриализация? Сталинское переустройство деревни на основе коллективизации и механизации сельского хозяйства? Сталинская культурная революция? Или все это было не нужно стране? Наконец, сталинская Великая Победа!

Вы что, с возмущением говорят вам швыдкие. Победа достигнута не благодаря Сталину, а вопреки... И этот бред, этот абсурд уже столько лет продолжают вдалбливать в мозги людей!

Даже в преддверии 130-летия Иосифа Виссарионовича со стороны власти не было ни малейшей попытки провести хоть какое-то мало-мальски объективное научное обсуждение достоинств и недостатков его руководства с учетом сложностей того периода, на который оно выпало, реальных достижений и реальных потерь. Ведь те же солженицынские (абсолютно фантастические!) цифры «жертв сталинских репрессий», войны и вообще советского периода нашей истории нельзя воспринимать всерьез, это настоящими учеными давно доказано. И до каких пор включать в «невинные жертвы» бандеровцев, власовцев и т. п.? Между тем в школьных и вузовских учебниках – прямо или косвенно – все это по-прежнему канонизируется. О каком же реальном, а не показном «противодействии фальсификации истории» в таких условиях может идти речь?

Всем уже должно быть ясно: геополитические противники нашей страны, ставящие своей целью разрушение России, вкривь и вкось используют то «голодомор», то «пакт Молотова – Риббентропа», то «советскую оккупацию». Чтобы выстоять против этих атак, необходимо гораздо более объективное в историческом контексте и – самое главное! – гораздо

более справедливое отношение к Ленину и Сталину, Коммунистической партии и Советской власти. А что происходило у нас в этом отношении все последние годы и что продолжается сегодня?

Говорят: о мертвых или хорошо, или ничего. Применительно к Сталину иное утвердилось «сверху» в нашей стране: или плохо, или ничего. Так и «сталинизм», «сталинист» превращены в ругательства. Кем? Да ими же, швыдкими. Но неужели они – истина в последней инстанции?

Швыдкой не сталинист, это точно. А кто он? Можно сказать, что ельцинист? Вспомните хотя бы, как организовывал он на государственном канале телевидения, которым командовал, грязную передачу, дабы скомпрометировать неугодного Ельцину прокурора.

Значит, ельцинист Михаил Ефимович Швыдкой. А быть ельцинистом лучше, чем сталинистом?

Сталин вместе с Лениным создавал великий Советский Союз, а потом защитил его от гитлеровского нашествия.

Ельцин Советский Союз разрушил, осуществив в 1991 году то, что не получилось у Гитлера в 1941-м.

Сталин создал мощную промышленность и механизированное сельское хозяйство, которые уничтожил Ельцин.

При Сталине была создана великая культура, от которой при Ельцине мало что осталось. Поэтому присвоение его имени крупнейшей библиотеке страны выглядит издевательством или насмешкой над здравым смыслом: ведь за время правления этого человека число библиотек в России только сокращалось.

Кстати, сокращалось и население (почти по миллиону в год!), а вот при Сталине оно росло (с 1922 по 1940 год – на 32 миллиона!), и в советское время ничто не смогло повернуть вспять этот процесс. Повернул Ельцин.

А в заключение – еще вопрос читателям

Ряд сталинистов можно было бы начать, например, так: Горький, Стаханов, Чкалов, Георгий Жуков, Рокоссовский и все другие полководцы Великой Отечественной, Шолохов, Юрий Бондарев...

А вот начало предлагаемого ряда антисталинистов: Гитлер, Власов, Бандера, Ельцин, Сванидзе, Радзинский, Михаил Швыдкой...

Для Швыдкого нерукопожатен сталинист Бондарев. А рукопожатна ли Россия? Ведь, судя по всему, большинство в телешоу под названием «Имя Россия» проголосовало за Сталина! Несмотря на невероятные усилия организатора этого «проекта» Любимова, который демонстративно назвал себя «махровым антикоммунистом».

И вот еще один, совсем недавний факт. Когда на отреставрированной станции московского метро «Курская» восстановили слова из первого варианта советского Гимна «Нас вырастил Сталин на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохновил», газета «Известия» устроила Интернет-опрос, поинтересовавшись у людей: «Кем бы вы заменили Сталина в этой фразе?» Так вот, 58 процентов ответили: «Не трогайте Сталина!»

В общем, ужасные пещерные сталинисты...

А стоит задуматься, почему люди ответили так. Им же многие годы всей своей информационно-пропагандистской машиной швыдкие внушали: «монстр», «серийный убийца», «кровавый маньяк»... Но душа народная противится. Она чувствует, что ее обманывают. Она помнит, что Сталин был спасителем России.

Россия не хочет быть униженной, погрязшей в несправедливости, расчлененной. То есть она не хочет того, чего желают швыдкие. И потому, я думаю, она голосует за Сталина.

Разумеется, у меня нет права говорить от имени всей России, или, как выражаются в Одессе, «за всю Россию». Она нынче по взглядам очень пестрая, и в результате продолжающейся тотальной обработки сознания людей швыдкими многие доведены прямо-таки до антисталинской шизофрении. И все-таки, при всем при том, рискну поставить вопрос: кому большинство народа, живущего в России, не подало бы сегодня руки, если бы предложен был такой выбор – Юрию Бондареву или Михаилу Швыдкому? Патриоту, советскому солдату, отважно защищавшему Родину и всей душой желающему России снова стать сильной и справедливой, или человеку, для которого Россия – «эта страна»?

Предлагаю читателям попытаться ответить.

«Еврейский вопрос»?

Публикация в «Правде» статьи «Кто же для России нерукопожатен?» (2–5 октября 2009 г.) почти совпала с оглашением в Интернете «Письма советским ветеранам». Его автор Александр Подрабинек, давний антисоветчик, заявил следующее:

«Пора прекратить лицемерные причитания о чувствах ветеранов, которых оскорбляют нападки на советскую власть. Зло должно быть наказуемо. Его служители – тоже. Презрение потомков – самое малое из того, что заслужили строители и защитники советского режима».

Как и Подрабинек, не дожидаясь суда потомков, презрение к «защитникам советского режима» уже нынче выразил небезызвестный Михаил Швыдкой, о котором говорилось в той моей статье. Конечно, не случайно читательская реакция соединила в нашей редакционной почте два этих одновременных публичных выпада против Советской власти, Сталина, ветеранов Великой Отечественной. В размышлениях авторов полученных писем несколько ракурсов, и все они заслуживают серьезного обсуждения. Одну из тем наш московский читатель Александр Иванович Орлов обозначил так: «еврейский вопрос».

Недоумение, которое потрясает

Александр Иванович обратил внимание, как в моей статье, так и в связи с открытым письмом Подрабинека, на одно обстоятельство. Прочитую это место из его взволнованных размышлений:

«Все вы правильно написали о нынешних антисталинистах – ненавистниках Советской власти, выступающих в роли фактических защитников, даже апологетов Гитлера и гитлеровцев. Само по себе это поразительно. Однако еще в тысячу раз поразительнее, что с профашистских позиций активно вещают... евреи! Едва ли не все упомянутые вами злобные хулители нашей Советской Победы и вообще советского прошлого – люди именно, как говорится, еврейской национальности: Швыдкой, Минкин, Радзиховский, Радзинский и т. д.

И вот теперь Подрабинек, вылезший с этим запредельно агрессивным и кощунственным пасквилем, оскорбляющим сразу всех советских ветеранов войны и труда, – оказывается, он Александр Пинхусович...

Да как же объяснить такое?! Ведь эти самые ветераны, о которых Подрабинек высказывается с таким желчным презрением, защищали не только ненавистный ему «советский режим» – они защищали и обреченных на гибель евреев. Известно же, Гитлер евреев уничтожал, а Сталин, руководивший Советской страной и Красной Армией, фактически спас, но вот с точки зрения названных евреев спаситель, выходит, равен фюреру, уничтожавшему их предков. Нет, Сталин даже несравнимо хуже! Это что – шизофрения, подлость, провокация? И если провокация, то чего своими постоянными вызывающими вылазками подрабинеки, швыдкие, радзиховские, сванидзе добиваются?»

Напомню, слово «провокация» употребил автор еще одного отклика на статью «Кто же для России нерукопожатен?» – полковник Анатолий Никифоров из Воронежа (его письмо было опубликовано вместе с другими откликами в «Правде» от 20–23 ноября 2009 г.). Возмущаясь антисталинистскими и антисоветскими разглагольствованиями Швыдкого, он написал: «Кстати, это ведь уже далеко не первый случай, когда видные деятели культуры из числа евреев делают аналогичные провокационные выпады, а потом сами же начинают верещать по поводу «антисемитизма в России». Есть все основания объединить такие факты в одном понятии – «швыдковщина».

Можно и объединить. Но ответа на недоумение, буквально потрясающее многих наших читателей, это все равно не даст. Кажется, многие тут сталкиваются с верхом алогизма, какой-то сущностной нелепостью, не поддающейся вменяемому объяснению.

Люди-то в своих откликах исходят из неопровержимой, с их точки зрения, логики. Неопровержимой и вместе с тем самой понятной и простой, самой, я бы сказал, человеческой. «Что бы запел такой ненавистник и обвинитель Сталина, – пишет, например, Анатолий Сивцов из поселка Дорохово Московской области, – побывав, как сотни тысяч других евреев, в одном из фашистских концлагерей? Да и остался бы он в живых? Тоже весьма проблематично...»

Разумеется, это так. И совершенно прав, по-моему, тот же полковник А. Никифоров из Воронежа: «...Если евреи всего мира когда-нибудь захотят поставить самый дорогой и знаменитый памятник, то это должен быть памятник советскому народу, советскому солдату и И. В. Сталину, которые спасли мир от «коричневой чумы», а евреев – от поголовного истребления. Для таких, как г-н Швыдкой, считающих, что Сталин хуже Гитлера (их высказывания дословно приведены в «Правде»), видимо, мало 6 млн. истребленных гитлеровцами евреев».

Это с точки зрения здравого смысла

Да, по канонически утвержденному итогу, 6 миллионов человек составляют жертвы холокоста, и сомневаться в такой численности считается кощунством, даже преступлением.

Но вот не только сомневаться в беспримерном подвиге тех, кто остановил холокост, а и глумиться над совершившими этот подвиг, выходит, можно сколько угодно.

«А я – из антисоветского прошлого нашей страны, и я скажу вам следующее, – обращается незадолго до 65-летия Победы к еще живущим героям Великой Отечественной Александр Подрабинек. – В Советском Союзе, кроме вас, были другие ветераны, о которых вы не хотели бы ничего знать и слышать, – ветераны борьбы с советской властью. С вашей властью. Они, как и некоторые (?) из вас, боролись с нацизмом, а потом сражались против коммунистов в лесах Литвы и Западной Украины, в горах Чечни и песках Средней Азии... Не вы, охранники и почитатели советской власти, а именно они – подлинные герои нашей страны».

Категорично сказано. И кто же все-таки эти «подлинные герои», милые сердцу Александра Пинхусовича? Поскольку в своей борьбе против Советской власти и советского народа они изначально были заодно с гитлеровцами, то говорить всерьез об их «борьбе с нацизмом» вряд ли стоит. Гитлер был главный антисоветчик, главный антисталинист, и те, кто его поддерживал, геройствовали в том же качестве.

А еще, как известно, Гитлер был и главный антисемит. Поэтому сражавшиеся «против коммунистов в лесах Литвы и Западной Украины» прославились также своими массовыми расправами над еврейским населением, особенно во время немецкой оккупации. Зверствами, изощренной жестокостью бандеровцев и будущих «лесных братьев» иногда поражались даже многоопытные палачи Третьего рейха. Гитлеровские пособники уничтожали евреев сотнями и тысячами.

И вот уничтожавшие их для еврея Подрабиника, оказывается, и есть «подлинные герои»!

Разве может не потрясти такое любого нормально мыслящего и чувствующего человека?

Назову это буйством извращенцев

Возникает вопрос: откуда это? Каким-то чудовищным затмением разума или полной потерей памяти порождено?

Согласитесь, трудно представить нечто подобное во время войны 1941–1945 годов: еврей восхищается своими палачами и проклинает тех, кто сражается против них. Может, лишь у сумасшедшего извращенца, в голове которого все перевернулось и перепуталось, мог возникнуть такой бред.

Однако время шло. Ужасы великой войны отодвигались все дальше и дальше. Для некоторых не переживших ее в сознательном возрасте она вообще становилась абстракцией, а кое-кого из переживших все более увлекали иные проблемы. Ведь «горячая» война против нашей страны сменилась, как мы знаем, «холодной», а в ней у каждого тоже определялась своя позиция.

Вот я написал: «против нашей страны». А кто-то все чаще начинал говорить: не наша, не моя, а «эта». «Эта страна» – и отношение к ней, стало быть, не как к своей. Потом с удовольствием откровенничали, что даже во время международных спортивных соревнований никогда не болели за советскую команду. Постепенно Советский Союз и вообще все советское – история, культура, идеалы, принципы, традиции, в конце концов и сама Победа в той войне – воспринимались уже не только отстраненно, но и враждебно.

Поскольку в новой, «холодной» войне те, о ком я говорю, оказались всецело на стороне противников «этой страны», поскольку всей душой желали ей поражения и всячески, кто как мог, на ее поражение работали (этим ведь гордится сегодня Подрабинек), то вдруг, задним числом, стали желать и победы Гитлеру, сожалея, что в свое время она у него не получилась.

«Лучше бы фашистская Германия в 1945-м победила СССР. А еще лучше б – в 1941-м!»

Да, да, именно так, с восклицательным знаком, выражающим высшую степень желанности вот такого оборота событий в годы войны...

Помню, каким ударом стали для меня эти слова, прочитанные в русскоязычном мюнхенском журнале «Страна и мир». Да и вся эта статья, с которой выступил там журналист «Московского комсомольца» Александр Минкин.

Шел 1989 год. Он был уже на исходе, то есть разрушительная «катастрофка» приближалась к своему пику, однако ни в «МК», ни в «Огоньке», ни в «Московских новостях» – так сказать, отечественных печатных флагманах развала – такая статья, с такой степенью циничного откровения, появиться все же еще не могла. Еще слишком чрезмерным и экстремальным воспринято было бы в общественном мнении (во всяком случае, явным большинством), что Советский Союз – хуже фашистской Германии и потому заслуживал не победы, а поражения.

Хуже! – это утверждалось в статье. Как и Сталин гораздо хуже Гитлера. В статье Минкина все сравнения не в пользу первого, а фашистский фюрер – всего лишь «маленький честный Гитлер». Если Сталин «убивал детей всех народов», то он, оказывается, «только еврейских и цыганских детей». И, представьте себе, «вряд ли бы Гитлер стал наказывать народы».

Словом, хороший Гитлер. Гуманист Гитлер

Автор, конечно, знал, что Гитлер убивал не только еврейских и цыганских детей. Знал, что он беспощадно наказывал народы: как иначе назвать, скажем, отношение к белорусам, у которых загублен каждый четвертый или даже третий. Но уж очень хотелось нарисовать прекрасное, благостное «если бы» – если бы фашистская Германия и вправду победила СССР.

А что было бы? Оказывается, просто замечательно! «Третий рейх» развалился бы чуть ли не сам собой, «лет за пять», так что нас ждала полная идиллия. «И не было бы у нас в истории, – рисует автор, – ни Катыни-40, ни Будапешта-56, ни Праги-68, ни Кабула-80 – 89, ни хлебного импорта, ни... И никто бы нас не порочил. И Ростропович сидел бы дома и играл бы нам на виолончели».

Красота! Однако вдруг, словно спохватившись, автор сам себя прерывает:

«Нам? Вот тут – заковыка. Поскольку я еврей и родители мои и прародители – евреи, то меня бы, конечно, сейчас (и никогда) не было бы на свете. Разве что за Урал забежали бы, что почти невероятно: один дед в Москве снаряды для «катюш» делал, другой дед погиб в ополчении в 1942-м, одна бабка в Москве...»

Я уже писал однажды, что буквально замер, читая это. Действительно, кому неясно, какая судьба ждала евреев в случае победы Гитлера. А именно ему автор желает победы! Как понять?

Признает: «Лично я, и моя семья, и все чудом уцелевшие евреи, до которых сначала Гитлер не добрался, а потом Сталин случайно не успел, – все мы, конечно, в выигрыше». То есть «в выигрыше» благодаря Советской Победе.

Но если бы? Все-таки если бы Гитлер победил, чего и хочет наш гитлеролюбивый автор во имя избавления от проклятого Сталина, – как бы тогда обернулось?

Пожалуйста: «Евреи бы сохранились в США, а с падением убийственного режима снова постепенно заселили бы интеллектуальную нишу на очищенных (юденфрай) территориях...»

Читая эту совершенно бессовестную болтовню, я думал: ну а вдруг – фантазировать так фантазировать – победившие Советский Союз немцы раньше американцев сделали бы атомную бомбу и бросили бы несколько штук на США? Насколько знаю, Германия была близка к созданию нового оружия...

А еще думал о том, как легко и безопасно желать победы Гитлеру сегодня. Но хотел бы я посмотреть на этого автора, когда Гитлер стоял у порога Москвы. Хотел бы послушать, что сказали бы тогда два деда по поводу шокирующих деклараций внука своего.

Да и в конце 80-х годов все это производило шокирующее впечатление – как бред сумасшедшего извращенца. Но дальше подобные настроения очень быстро пошли по возрастающей. Дискредитация нашей Победы развернулась так широко и безумно, с таким захлебом и участием такого числа всецело увлеченных позорным занятием, что это уже можно было назвать массовым буйством извращенцев. Характерно, что в 2005 году, к 60-летию Победы, автор той статьи совершенно спокойно напечатал ее в «МК»: на создавшемся общем фоне она теперь не казалась чем-то из ряда вон выходящим.

Но вот – слово памяти благодарной и возмущенной

Действительно, не где-нибудь, а в Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ) официально поставлен теперь вопрос о равенстве фашизма и коммунизма, гитлеровского рейха и сталинского СССР. Тем, кто разгромил фашизм, предъявляется уже не меньший счет, чем фашистам. Обидно? Оскорбительно? Еще бы! И вдвойне обидно, когда, забыв о чувстве благодарности, с таким счетом к победителям выступают ныне люди, которые фашизмом обрекались на уничтожение.

Я ждал среди откликов на статью «Кто же для России нерукопожатен?», чтобы евреям Швыдкому, Радзиховскому, Подрабинеку и т. п. ответили иные евреи. Обрадовало, что письма от этих иных пришли.

Процитирую одно из них – его прислал Борис Хохлович из города Осташкова Тверской области. Внук паровозного машиниста-большевика, сын коммуниста-добровольца Великой

Отечественной, он и сам стал коммунистом, причем с изменением власти в стране убеждениям своим не изменил.

«Уважаемая редакция «Правды», моей любимой газеты, которую читаю более 50 лет! – написал он. – Огромное спасибо за статью «Кто же для России нерукопожатен?» Спасибо и низкий поклон выдающемуся советскому писателю Юрию Бондареву, человеку высокого мужества и чести, чью руку пожать я счел бы за честь.

Но вместе с тем могу вполне честно и откровенно сказать, что всем этим предателям-антисоветчикам, про которых идет речь в статье, руку я не подам. Вы верно написали: для них гитлеровский фашизм предпочтительнее Советской власти и Сталина. Как можно?!

У меня на Украине погибли три тетки с мужьями и с детьми. Их немцы расстреляли. В степи у города Пирятин три огромные братские могилы, и в каждой из них – многие тысячи человек. В одной могиле лежат евреи, в другой – коммунисты, комсомольцы, комиссары, сельские активисты и партизаны, в третьей – просто местные жители, кто под руку попался: выгоняли из домов и расстреливали. Немцы и их подручные выкопали рвы, а потом прямо здесь расстреливали людей из пулеметов.

Вот это называлось «новым порядком». И чтобы справиться с тем ужасом, который нес людям фашизм, какие потребовались усилия советского народа, руководимого партией коммунистов во главе с И. В. Сталиным! Какие жертвы он должен был принести во имя избавления от гитлеровского нашествия! А теперь уравнивают Гитлера и Сталина, фашистов и коммунистов, захватчиков и освободителей. Уравнивают палачей и героев, спасителей наших...

В начале войны, когда отец мой ушел на фронт, а немец подступал к Москве, домой к нам пришли из райкома партии русские люди и предложили всей семьей эвакуироваться. Дали паек на две недели, и вот поезд повез нас под Казань, где мы поселились в деревне Юдино. Повторяю, русские люди позаботились о нас, и они спасли очень много еврейских семей. Как же можно после этого писать и говорить о Советской России, о русских, советских то, что говорят и пишут сегодня некоторые люди моей национальности? Честно скажу: не понимаю этого и категорически не принимаю!

Нет, не подам я руки господину Швыдкому, который занимается такой подлостью, для которого сталинградский герой Юрий Бондарев, видите ли, «пещерный сталинист». Не подам руки всем, для кого не святы подвиги советских людей во время Великой Отечественной войны, кто порочит Советскую Победу, а сражавшихся с именем Сталина, презрительно называемых сталинистами, приравнивают к гитлеровцам и самому Гитлеру...»

Прерву здесь выдержку из большого письма Бориса Хохловича, чтобы подкрепить его искреннее эмоциональное высказывание по острому вопросу не менее эмоциональным и искренним стихотворным высказыванием. Оно появилось в «Литературной газете» буквально в те самые дни, когда «Правда» напечатала мою статью «Кто же для России нерукопожатен?». Разумеется, это совпадение, что одновременно были напечатаны статья и стихи, однако, наверное, все-таки совпадение не совсем случайное. Разные люди (и, надеюсь, многие) неравнодушно, с горечью и болью, с гневным возмущением и негодованием думают о том, какую отвратительную подлость пытаются внедрить в сознание новых поколений 65 лет спустя после победного Мая 1945 года ревизионисты нашей Победы.

Итак, стихи Юнны Писаховны Мориц, которая по-своему отвечает западной и доморощенной «бешеной швали» – профашистской и русофобской. Явившимся вдруг обвинителям победителей она отвечает от имени убитых русских мальчишек, от погибших на войне наших парней и, конечно же, от себя, со страстью и убежденностью русской советской поэтессы:

Мы?.. Гитлеру?.. Равны?..
Да он – родной ваш папа!

Теперь вы влюблены
В культурный слой
гестапо.
Теперь у вас в мозгу
Такой завелся счетчик,
Что должен вам деньгу
Убитый русский летчик,
И океан валют,
Собрав по мелочишке,
Убитые пришлют
Вам русские мальчишки.
Мы Гитлеру равны?..
Да он – родной ваш папа!
Теперь вы влюблены
В культурный слой
гестапо.
И нам диктует рать
Гестаповских талантов,
Как надо презирать
Российских дилетантов.
Как надо умирать
На гитлеровской бойне,
Спасая вашу рать,
Чтоб ей жилось
ковбойней, —
Как надо умирать
На той войне великой,
Спасая вашу рать
С ее к нам злобой дикой.
Мы Гитлеру равны?..
Да он – родной ваш папа!
Теперь вы влюблены
В культурный слой
гестапо.
И в следующий раз
Мы спросим вас
любезно:
Как драться нам железно
И умирать за вас,
Чтоб было вам полезно?..
А мне, мерзавке, жаль,
Что гибли наши парни
За бешеную шваль
На русофобской псарне!

Это выплеск души, глубоко оскорбленной в лучших чувствах. И если Борис Хохлович в своем письме (как и авторы ряда других писем) просит поверить, что далеко не все евреи думают так, как Швыдкой и Радзиховский, я абсолютно ему верю. Встающий за швыдкими,

радзиховскими, подрабинеками и прочими подобными фигурами вопрос – антисоветский и русофобский, а не сугубо еврейский.

Заказная сага

Страна посмотрела «Московскую сагу». Двадцать две серии, а говорят, сделано даже двадцать четыре – желающие будут наслаждаться полным объемом на телекассетах. Найдутся ли желающие? Судя по разговорам, сериал смотрели многие. Значит, увлек. В лучших книжных магазинах Москвы «как раз кстати» появился переизданный роман Василия Аксенова. Это новый, а вернее – рыночный прием, так же было недавно с «Ночным дозором». Фильм, благодаря своим спецэффектам, завлекательному сюжету и популярным актерам, делает рекламу очень слабой литературе, и она в результате расходуется.

Одноименный роман Аксенова крайне слаб. В послесловии к сериалу, показанному после месячной демонстрации, это прямо или косвенно признали и некоторые участники съемок. А сам автор трехтомника в одном из интервью сообщил, что вообще-то вначале он писал не роман, а сценарий для американского телевидения и лишь потом переделал его в книгу.

Неудачно. Не получилось. Впрочем, сценарий тогда тоже, видимо, не получился. В титрах нового сериала значится: «По роману Василия Аксенова и экранизации Павла Финна». Однако нам показали экранизацию не Павла Финна, а Натальи Виолиной (автор сценария) и Дмитрия Барщевского (режиссер-постановщик).

Вопрос: зачем же понадобилось вторично переносить на экран явно неудавшееся произведение? Ведь не «Война и мир» и не «Анна Каренина», к которым кинематографисты обращаются вновь и вновь, находя в их психологической и художественной глубине возможности для нового своего прочтения средствами экрана. А здесь все до убогости плоско, примитивно и пошло. Так зачем же?

Ответ, по-моему, прост. Да, написанное Аксеновым на сей раз предельно бездарно, однако бездарность начинена крутым антикоммунизмом, злым антисоветизмом. И есть в начинке этой сюжетные заявки, которые, будучи развиты и всячески расцвечены, обещали зрителя увлечь. Вот почему еще одна команда экранизаторов принялась за телевизионную реанимацию аксеновского творения. Вдохновляемая отнюдь не художественными его достоинствами, которых нет и в помине, а зарядом лютой ненависти к нашему советскому прошлому, к социалистическому строю, к партии коммунистов и Сталину.

Так что не стоит, подобно некоторым кинокритикам, заявившим о себе стремительными публикациями про новый громкий сериал, рассматривать его просто как произведение искусства, имеющее определенные художественные удаchi и такие же недостатки. Не то перед нами! Когда-то Пушкин предлагал судить творца по законам, им самим над собой поставленным. Главные законы, которым следуют создатели «Московской саги», – вовсе не художественные, а политические. Создатели решали в первую очередь именно политическую задачу, и они предложили зрителям политический сериал.

Облаченность же его в завлекательную упаковку, над чем пришлось немало потрудиться, плюс использование хороших актеров сделали сериал, что называется, «смотрибельным».

Но можно ли анализировать здесь актерские работы в отрыве от основной задачи, которой служит этот протяженный телефильм? Нельзя. Это примерно то же, что взять отдельные фрагменты большого мозаичного панно и, скажем, восхищаться их блеском и отделкой. В мозаике кусочки отдельно не существуют. Важно, во что они складываются!

Вот и в данном случае. Как бы ни была интересна сама по себе работа Юрия Соломина или Инны Чуриковой, Александра Балужева или Кристины Орбакайте, общий итог определяется впечатлением от фильма в целом. А оно, по замыслу авторов, должно быть таким: жить в ЭТОЙ стране нормально – нельзя.

Не потому ли Вероника, жена маршала Градова, при первой возможности уезжает в Америку? Психологически, казалось бы, это не очень мотивированно. Да, муж погиб, мужа нет, но ведь здесь, на родине, очень любящий ее человек – офицер Вуйнович, к которому и она, судя по всему, равнодушна. Вот-вот должен вернуться после войны любимый сын, которого она вроде бы очень ждет.

Но в том-то и суть: вроде бы. Приманки американского атташе (про которого она сама позже скажет, что так и не смогла его полюбить) оказывается вполне достаточно, чтобы бросить здесь все и уехать. Право, манок этот сродни запаху дорогих французских духов «Шанель № 5», который раньше, будучи узницей лагеря, Вероника вдруг ощущает сохранившимся на каком-то предмете одежды. О, вожделенный Париж! Сразу о нем приходят самые нежные мысли.

Словом, там, где-то там, на Западе, все хорошо, все нормально и привлекательно. Только там можно жить! Красной нитью в подтексте проходит это сквозь фильм. А потому возвращение Вероники и ее диалог с Вуйновичем, когда она заговаривает про то, насколько сильно скучала и скучает по родным, по Москве, по Серебряному Бору, воспринимаются как жуткая фальшь. И тут ни в коей мере не выручает даже максимальное старание одаренной и тонкой молодой актрисы Екатерины Никитиной.

Впрочем, об уютной жизни в Серебряном Бору Вероника, может быть, и в самом деле вспоминала иногда с ностальгическим чувством, потому что до поры до времени жизнь на этой просторной даче, построенной врачом и будущим академиком Градовым в 1900 году, была для большого, разветвленного семейства в самом деле весьма комфортной. Собственно, одна из ключевых концепций, о которой твердят авторы сериала, и состояла для них в противопоставлении теплого домашнего быта – и холодной, жестокой государственной машины. Советской, конечно. Тоталитарной, сталинской.

Все однозначно. Машина эта всегда не права, а жертвы обязательно должны вызывать сочувствие. На этом строится сериал. Но так ли было в реальной жизни?

Теперь гораздо больше стало известно о тех годах и о жертвах. Были невинные, спору нет, но всех таковыми не назовешь. Если только не следовать принципу: кто против Сталина, тот уже поэтому ни в чем не повинен. Сталин-де – монстр, тиран, палач, его явление в этот мир несет всем одну лишь беду. Всем, начиная с его собственной матери, до которой авторы фильма тоже умудрились добраться.

Какой простой, детски наивный и какой, в сущности, лживый взгляд на историю! Объяснить все потрясения и трагедии XX века появлением злого Ленина и еще более злого Сталина, потом Сталина поставить на одну доску с Гитлером и столкновением двух диктаторов истолковать Вторую мировую войну...

Казалось бы, от наивности такой нашему обществу пора уходить. В конце концов и раньше было достаточно серьезных исследований того непростого и рокового времени, а в последнее время историческое изучение его обогатилось новыми открытиями и трактовками. Достаточно назвать интереснейшие работы Вадима Кожинова – о том же 37-м годе, о войне, о борьбе с космополитизмом. Или фундаментальные труды о советской цивилизации Сергея Кара-Мурзы, который также сосредоточивает внимание на особенно сложных страницах нашей недавней истории, давая им глубокое и внятное объяснение.

Нет же, кому-то выгодно удерживать общество в состоянии глупой наивности, внедренной некогда так называемыми либералами. Кому? Наследникам «невинно пострадавших»? Тем, кто захватил нынче всю собственность в стране и более всего озабочен, чтобы вновь не произошла революция и не вернулась Советская власть? Конечно, им, новоявленным «хозяевам жизни»! Им – в первую очередь! Их заказ и обслуживают создатели подобных фильмов. Не важно, сознательно это происходит или для кого-то из участников бессознательно.

В послесловии к «Московской саге», которое я уже упоминал, очень характерное признание вырвалось вдруг у актера Алексея Кортнева. Он сказал о завершенной работе примерно так: может, мы нагородили совсем несообразное; но ведь что мы знаем о том времени? И далее: мы играли не время, а свое представление о нем.

Именно так! Кортнев же, поди, и не слыхал о работах В. Кожина или С. Кара-Мурзы. Как и многие-многие другие актеры и телезрители. Вадима Валериановича при жизни на пушечный выстрел не подпускали к телеэкрану, не очень-то подпускают и Сергея Георгиевича. Общество по-прежнему продолжает питаться падалью со страшной кухни А. Н. Яковлева и т. п. Вольных или невольных агентов американского влияния! А Кортнев, ничего не знающий о времени, привычное представление о котором он изображает в «Московской саге», играет ужасную сцену допроса командира Красной Армии Вуйновича – и у зрителей мороз по коже подирает. Что еще требуется от данного «художественного произведения»? Ничего. Дело сделано.

Нет смысла проследивать все сюжетные линии сериала и разбирать их соотношенность между собой. Все они в основном подчинены главной идее, о которой сказано выше: представить советский период нашей истории как сплошное нагромождение ужасов. Авторы не брезгают использовать при этом и всевозможные исторические «утки» – вроде убийства Фрунзе по заданию Сталина или версии о готовившемся после войны переселении всех евреев в Сибирь.

Но хотелось бы вот на что еще обратить внимание. Взгляд авторов на происходящее в стране – это специфический взгляд из Серебряного Бора, где жила своего рода «элита». А что для нее народ? Оказывается, нечто чуждое, непонятное и неприятное. Вроде знакомого Нины, юной дочери доктора Градова, – того самого выходца из рабочих, который на серебряноборской даче вызываясь отчаянно вторгается в модный чарльстон или тустеп со своей пролетарской пляской, а потом, конечно же, дочку врача обманывает и идет в стукачи-палачи.

Народ появляется еще в виде медсестры, которая становится «фронтальной женой» маршала. После его гибели у нее рождается мальчик. Она приходит к «законному» сыну маршала – за помощью в трудную минуту: завербовалась, чтобы работать на Севере, просит временно устроить сына в детдом. И «законный» вроде проявляет любовь и заботу, везет брата на могилу их общего отца, а затем в благословенный Серебряный Бор. Но что дальше? Следы мальчика тут же бесследно исчезают. Даже в финале картины, где закадровым голосом от имени «законного» сына повествуется, что и как стало потом с ее героями, этот мальчик не упоминается вовсе. Будто и не было его. Да что там, он же к «элите» прямого отношения не имеет – стало быть, и упоминания не заслужил.

А каким презрением облита безымянная «простая» женщина, которая вместе со своим семейством осмелилась горевать в связи со смертью Сталина! Тупой народ...

Есть, правда, некоторые из народа, кого в сериале представляют с симпатией. Это Агаша, домработница, пекущая в градовском доме знаменитые пирожки, и ее поклонник милиционер Петухов. То есть хороши дворовые те, кто «элиту» старательно обслуживает и охраняет.

Промелькнуло в послесловии к сериалу упоминание о том, какой дом в Серебряном Бору стал во время съемок домом Градовых: бывшая дача Косиора, так было сказано. Косиор – соратник Сталина, впоследствии расстрелянный. Однако уточню: дача все-таки не Косиора. Если точно – где жил Косиор. Так же, как не было собственных дач и у самого Сталина.

А кто теперь живет на тех дачах и в новых особняках Серебряного Бора, как и в прочих «привилегированных» местах?

Вот за окончательное утверждение и укоренение такого порядка вещей в конечном счете и ратует якобы «семейная», якобы «лирическая», а на самом деле сугубо политическая «Московская сага».

И следом за ней, немедленно, как закономерное продолжение, на том же Первом канале начались многосерийные «Дети Арбата». По культовому, как сказано, роману Анатолия Рыбакова.

Культовый – для кого? Еще одна заказная сага антисоветизма...

На телеэкране густеет ненависть к нашему советскому прошлому.

Далек этот Арбат от страны родной

Появление на телеэкранах этих двух сериалов подряд, конечно же, не случайно. Даже либеральная пресса признает: «У этих картин немало общего – в них предпринята попытка воссоздать сталинскую эпоху нашей истории, они выделяются масштабностью, большим бюджетом, участием многих звезд первой величины, агрессивной рекламной «раскруткой», огромным количеством отзывов в прессе...»

Да, все так. Только о самом главном умалчивает газета «Труд»: а ради чего усердие – и этот бюджет, и эта «раскрутка», да и большинство отзывов, которые приходится читать?

Воссоздание сталинской эпохи нашей истории – во всем ее величии и во всей драматической сложности – было бы для телевидения достойной задачей. Но нет же, нет! Об этом и не помышляли. Здесь изначально ставилась совсем иная цель: не воссоздать, а опорочить. Любой ценой и любыми средствами.

Совершенно очевидно, и становится все нагляднее, что мы имеем дело не с отдельными, спонтанными попытками изображать советское прошлое ядовитыми черными красками, а с глобальным проектом, целью которого является воспитание у людей (в первую очередь – у молодежи) неприязни, неприятия и даже отвращения к советскому периоду нашей истории.

Замечу, для молодежи нынешней, а чем дальше, тем больше, весь этот многолетний исторический период сливается во что-то одно, где отличия и оттенки почти неразличимы. Чем, кстати, всю пользуется и что всячески утверждает современный буржуазный агитпроп. В большом и малом. В «эпохальных полотнах» типа «Московской саги» и «Детей Арбата» или хотя бы в мимолетных «оговорках», которые, однако, прочно внедряются в сознание молодых.

Таким «оговоркам», между прочим, несть числа. Недавно я был поражен тем, что написал в правительственной «Российской газете» кинокритик Валерий Кичин. И заметка-то крошечная, всего-навсего краткое представление нескольких фильмов, включенных в программу дневного телеэфира. Но как представлено тут «Последнее танго в Париже»? Цитирую: «Самый известный и скандальный фильм Бернардо Бертолуччи, за просмотр которого на видеокассете в СССР люди сидели в тюрьме».

Ну надо же ляпнуть такое! Фильм снят в 1973 году, так что достаточно еще живых свидетелей, и не я один, а многие могут подтвердить: написанное кинокритиком – ложь. Не только каких-то мнимых «людей», но даже одного-единственного человека, сидевшего бы в тюрьме за просмотр этого фильма, где, по словам автора заметки, до сих пор «ошеломляют сцены секса без настоящей страсти», назвать он не сможет. Просто потому, что такового не было.

Почему он так безбоязненно для профессиональной чести лжет? Зачем? Он знает зачем. Тут ключевое: «в СССР». Молодежь сама уже не может помнить, как и что на самом деле было в СССР в 1973 году. И потому ей легко внушить ложь. А поскольку лжет не один Кичин, а, так сказать, Кичин коллективный, вездесущий, лжет целенаправленно, то как же в конце концов и не поверить.

И если «проходит» такая наглая ложь о сравнительно недавних 70-х годах, то что уж говорить о далеких 30-х или 40-х.

Для самого массированного антисоветского удара по мозгам то время выбрано, разумеется, не только потому, что оно уже отдалилось и объективных свидетелей остается все меньше. Главное – это не только наиболее героический, но и наиболее сложный, противоречивый период нашей истории, полный драматизма и трагедийности. Вот почему выдаю-

щийся русский мыслитель Вадим Кожин, недавно ушедший от нас, обращаясь к тому времени, особенно настаивал: не критиковать надо прошлое, которое уже состоялось, а понять!

Но если весь героизм времени отбросить, а всю его реальную жизненную и политическую сложность предельно упростить, сведя к арестам и ГУЛАГу, доносам и расстрелам, не предпринимая при этом даже попытки разобраться, что к чему и почему, то результат будет именно такой, к какому нынешний необъявленный агитпроп и стремится. Чтобы молодежь «новой России», как бы скверно ей ни было сегодня и завтра, повторяла одно: «Не хочу быть «совком»!»

Для этого в конечном счете задуманы и «Штрафбат», и «Московская сага», и «Дети Арбата», да и, я уверен, многое что еще, ждущее нас впереди.

Понятно, почему ставка пошла на сериалы. Немеренные деньги в сочетании с возможностями экрана («раскрученные» актеры, режиссерское и операторское искусство, спецэффекты, музыка и т. д. и т. п.), причем все это в большом формате многих вечеров и при сопутствующей нагнетаемой рекламе способно зомбировать куда действеннее всех разных прочих средств.

Ну кто бы стал сегодня читать такую крайне слабую и неинтересную поделку, как «Московская сага»? А экран, насколько можно, все расцвел. Обращение же к «Детям Арбата» сразу было подано как экранизация книги «культовой», «знаменитого романа эпохи перестройки».

Надо признать, что он и в самом деле имел тогда громкий успех. Но за счет чего? Благодаря необыкновенным художественным достоинствам? Нет, конечно, и это было ясно уже в то время. Только Евтушенко с его уникальным нюхом на конъюнктуру мог в пароксизме истерического восторга сравнить автора, Анатолия Рыбакова, ни больше ни меньше, как с Львом Толстым. Живший тогда последний классик русской литературы XX века Леонид Леонов отозвался иначе. Вот что записал с его слов близкий к нему литературовед А. Овчаренко 5 ноября 1987 года: «Прочитал роман Рыбакова – спекулятивен. Да и не роман это, а беллетристика на потребу. Нельзя сокрушаться над судьбой похотливого мальчика, не замечая драмы большого народа, связанной с неотвратимой необходимостью любой ценой выиграть время, создать заводы, фабрики, колхозы».

Это оценка не только крупнейшего мастера слова, но и глубокого философа, настоящего патриота, понявшего ту драматическую неотвратимую необходимость, перед которой оказалось наше Отечество в роковые 30-е годы.

Рыбаков же и подобные ему все свое «детскоарбатское», по выражению Вадима Кожина, понимание истории сводят к проблеме «злого дяди». Именно в этой роли – Сталин. Вот пришел он, злой, коварный, мстительный, нетерпимый, деспотичный, – и все испортил. Ведь вместе с собой привел рать таких же – от Ежова и Берии до какого-нибудь Юрия Шарока в рыбаковском романе.

Конечно, со времени первой публикации «Детей Арбата» минуло немало лет, и кое-что за эти годы даже в массовом сознании прояснилось и уточнилось. Так, уже не тянут бесспорно на роль неких идеалистов и романтиков революции Троцкий и Бухарин, Зиновьев и Каменев. Однако в сериале все равно в уста юного Саша Панкратова вкладывается глубоко-мысленное: «Революцию начинают идеалисты, а заканчивают подонки».

Все, кто против Сталина, – однозначно хорошие. Все, кто за него, – подонки. И в разговоре Марка Рязанова с Иваном Будягиным выводится некая особо патологическая жестокость Сталина – исходя из того, что где-то под Царицыном во время Гражданской войны он якобы отдал распоряжение расстрелять пленных белых офицеров. Но было ли это на самом деле? При каких обстоятельствах? Чем вызвано? Собеседники по сериалу в такое не углубляются. Здесь достаточно бросить штрих, мазок, «к месту» сказанное слово. Ну а скольких

(реально!) расстреливали по приказу, скажем, Льва Давидовича Троцкого – это вообще остается за кадром и вне сериальных бесед. Ибо может сразу испортить картину.

Впрочем, Лев Давидович, даже не присутствуя в кадре, остается героем, поскольку все троцкисты, выведенные в сериале, – это не только невинные жертвы, но и герои. Благородные, интеллектуальные и духовно красивые. В отличие, понятно, от умственно примитивных и нравственно ущербных «сталинистов». А если добавить к этому, что одновременно с демонстрацией «Детей Арбата» на разных телеканалах можно было увидеть и услышать безусловные панегирики в адрес Троцкого, то расстановка исторических симпатий и антипатий уже не вызывает ни малейшего сомнения.

Один интеллектуал, побывавший недавно в Штатах, с упоением рассказывал, например, как в доме интеллектуала американского он увидел сто томов (!) сочинений Троцкого. Я поставил тут восклицательный знак потому, что в телеповествовании это звучало и с неподдельным восторгом, и с нескрываемым изумлением. А коснулись бы хоть немного сути этих многотомных писаний, по которым и пролег коренной водораздел между Троцким и Сталиным. Сказали бы где-то о его понимании роли России как вязанки хвороста в костре мировой революции, да и о том, что в финале своей деятельности он хотел победы Гитлера – во имя свержения сталинского режима. Нет, ни о чем подобном не говорят.

Меня могут упрекнуть в том, что слишком идеологизирую и политизирую разговор о художественном телесериале. Его ведь настойчиво представляют как «роман о советских Ромео и Джульетте» (точно так же «Московскую сагу» представляли как «семейный роман»). Но ведь совершенно очевидно: и «Дети Арбата», как и «Московская сага», – творения сугубо политические.

Таковы не только сериалы – такова изначально литературная первооснова. Выше я отметил, что причиной шумного успеха «Детей Арбата» при первой их публикации стали вовсе не какие-то выдающиеся художественные достоинства. А как раз остро злободневная на тот момент политическая тема, облеченная в завлекательный сюжет.

Признаем, беллетрист Рыбаков был все-таки умельцем по части сюжета и манящей его завлекательности. В этом смысле вполне объяснима популярность особенно детских приключенческих сочинений – «Кортик», «Бронзовая птица» и т. д. Взявшись за политическую, а если точнее – сталинскую тему и завернув ее в «детскоарбатские» хитросплетения, способные держать в напряжении многих читателей, он и получил желанный эффект.

Надо помнить, что тема Сталина, после продолжительного к тому времени замалчивания, стала почти с начала так называемой перестройки темой номер один. «Разоблачения», нарастая, пошли лавиной. Рыбаковское «читабельное» сочинение пришлось очень кстати.

А теперь? С чего бы это взялись реанимировать «трилогию», которую после сенсационной шумихи за десять с небольшим лет успели забыть? Привлек любовный роман Саши и Вари? Полноте! Странно и даже смешно читать уверения режиссера Андрея Эшпая: «Для меня, для Валентина Черных и Юлии Дамскер, написавших сценарий, был важен не политический аспект романов, который сегодня, возможно, в каких-то эпизодах выглядит наивно (хоть это признает! – В. К.), а в первую очередь личные судьбы героев».

Но попробуйте мысленно «вынуть» из литературной трилогии и телевизионного сериала политический аспект – тему Сталина. И попытайтесь честно ответить: кто-нибудь стал бы тогда это читать и смотреть?

То-то и оно. Главная притягательность и главный смысл сериала, как и предшествовавшей книжной основы, – именно в том, что его создатели стараются лицемерно отрицать. Сталин – вот главное. И здесь, и в «Московской саге». Выходит, «недоразоблаченный» за все эти почти двадцать лет.

Как же выглядит Сталин в новом творении? Ставлю вопрос так, потому что в любом кинофильме или телефильме, как и в произведениях изобразительного искусства, внеш-

ность действующих лиц имеет весьма важное значение, а в данном конкретном случае, замечу, – совершенно особенное.

Уже первое появление Сталина ошеломляет. Кто это? Вы понимаете, что он – Сталин, ведь Марк Рязанов по ходу действия направился именно к нему. Но что за чудовище встречает его в сталинском кабинете? Какой-то уродливый старик (а реальному Сталину в это время всего около 55 лет! – В. К.), обмотанный непонятной старушечьей шалью и хрипло бормочущий нечто невнятное. Весь облик и вся манера разговора вызывают впечатление полного дебила или монстра – «демократы» так любят Сталина величать. То есть актер Максим Суханов вместе с режиссером решили максимально, начиная уже с внешнего облика, реализовать на экране эту ходячую «демократическую» формулу. Монстр – так уж монстр!

Отдадим должное, М. Суханов далеко позади оставил исполнителя роли Сталина в «Московской саге» – некоего бизнесмена В. Миронова. Тот по сравнению с «арбатским» – конфетка. А здесь начатое в первой серии далее закрепляется, ну совсем как приросшая к лицу и телу маска. Эта неопрятная шаль будет на человеке, именуемом Сталиным, почти во всех сценах и почти до конца. Это хриплое бормотание, эти идиотские задыхающиеся смешки и сморщенный лоб кретина останутся во всех эпизодах, дополненные повторяющейся жадной и неопрятной жратвой.

Словом, хотели достичь физиологического отвращения от этого персонажа – и, наверное, достигли. Может, даже перестарались чуток, ибо такой испытанный эстет-«демократ», как Георгий Капралов, написал: «Поистине уникальный актер Максим Суханов. Но я все жду, когда его Сталин разматывает свой шарф и заговорит не только страшным, хрипящим полубормотанием, но и так, как он позволял себе выносить убийственные приговоры – в полный голос...» Не дождался Капралов. «Уникальный актер» так из заданной маски и не вылез, оставшись вполне однообразным. Однако другому славному «демократу» – писателю Леониду Жуховицкому это абсолютно по душе, без всяких оговорок. «В его изображении, – пишет он о том же актере М. Суханове, – Сталин – типичный «пахан» страны. Это хитрый, коварный, не слишком умный и в чем-то даже забавный персонаж».

«Не слишком умный...» Правда, Уинстон Черчилль, знавший эту историческую личность, полагаю, не хуже Леонида Ароновича и Анатолия Наумовича, сказал о Сталине иначе: гений. А Корделл Холл, государственный секретарь США в годы Второй мировой войны, написал о Сталине: «Он наделен необыкновенными способностями и разумом». И Аверелл Гарриман, посол США в СССР, признавал: «У него глубокие знания, фантастическая способность вникать в детали, живость ума и поразительно тонкое понимание человеческого характера... Я нашел, что он лучше информирован, чем Рузвельт, более реалистичен, чем Черчилль, и в определенном смысле наиболее эффективный из военных лидеров».

Итак, не слишком умный? А я ведь привожу, г-н Жуховицкий, мнения отнюдь не сталинистов, не друзей Сталина или его, как вы любите выражаться, лакеев и подпевал. Так говорят идейные враги. Но враги, не утратившие чувства реальности и достоинства.

Нынешние враги Сталина и России в самой России чувство это, кажется, теряют вконец. Не раз уже это демонстрировали в связи со сталинской темой, а тут просто-таки превзошли самих себя. Я думаю, только в гитлеровских пропагандистских фильмах и газетах могла появиться такая карикатура на Сталина. Право, там это изображение из «Детей Арбата» можно было бы использовать один к одному. Но ведь то – фашисты, которые шли нашу страну уничтожить. А кто же эти?

Реальный Сталин, по крайней мере, внешний образ его, остался на сотнях фотографий и в тысячах документальных кинокадрах. Вот по ходу этого сериала, почти после каждой очередной серии, я имел возможность на разных телеканалах видеть подлинного Сталина в документальных лентах – то о Черчилле, то о Ворошилове, то о Громыко. И везде он красив, обаятелен, представительен, везде в глазах его светится острый ум. Какой разительный

контраст с тем, что показано в «Детях Арбата»! К счастью, думал я, все документы не переделаешь и не подделаешь.

В те же дни, по совпадению, в московском объединении «Фотоцентр» открылась выставка работ известного фотожурналиста-правдиста Евгения Халдея. Он снимал Сталина во время Потсдамской конференции. Помните, как царственно выглядит советский вождь на тех знаменитых снимках?

А друг и коллега Е. Халдея – старый фотокорреспондент «Известий» Сергей Смирнов вспоминал при открытии выставки, как в послевоенной Германии многие снимки из Потсдама появились в продаже в виде открыток. И что же? «Немцы почти все просили: «Мне со Сталиным». Да ведь и в опубликованных воспоминаниях, которых немало, сталинский портрет никак не походит на карикатуру «Детей Арбата». Впрочем, каждый видит свое. Всемирно известный писатель Лион Фейхтвангер, например, отмечал: красивая рука. А какой-нибудь Радзинский или Евтушенко не перестает повторять: сухорукий. Такой у них взгляд.

Да, у них, потомков детей Арбата (а выражение это давно уже обрело вполне определенный смысл), свой взгляд на историю «этой страны» и ее героев. У них свое представление о правде.

Вот тот же Леонид Жуховицкий, давая итоговую оценку новому телесериалу, вопрошает: «Каким было сталинское время? Какими были лидеры монополично правившей партии?» И отвечает абсолютно однозначно, что называется, ничтоже сумняшеся: «Сериал по знаменитому роману А. Рыбакова «Дети Арбата» рассказывает об этом правдиво, детально, в полном соответствии с документами».

Ну надо же: не просто правдиво, а от документов, оказывается, ни на шаг! Кто-нибудь по наивности подумает, что и в самом деле. А на деле-то – с точностью наоборот.

Я уж не говорю про то, что опять на Сталина вешается убийство Кирова (как в «Московской саге» – убийство Фрунзе), хотя авторитетные комиссии, которым было дано очень даже заинтересованное задание Хрущева, за много лет к такому выводу не пришли. Наоборот, возникла и уже достаточно утвердилась совсем иная, личностная версия трагической гибели друга и ближайшего соратника Сталина. Но мало того, Сталину, хотя и косвенно, полунамеком (экий подлый прием!), припиливают в сериале также убийство Орджоникидзе.

Вообще, если из фильма изъять сцены исторически недостоверные, боюсь, что от него почти ничего и не осталось бы. Кстати, в свое время о том же писал применительно к роману «Дети Арбата» Вадим Кожинов в своей замечательной статье «Правда и истина», опубликованной в апрельском номере журнала «Наш современник» за 1988 год. «Начать стоит, – замечал он, – с более или менее бесспорного – исторической неточности (если выразиться мягко) многих сцен романа».

Приведу здесь лишь одну конкретную претензию компетентного критика. Приведу и потому, что она весьма характерна, и главное еще – потому что ее полностью надо адресовать авторам только что увиденного сериала. Итак:

«На первых же страницах «Детей Арбата» Марк Рязанов, «один из командармов промышленности», беседует – осенью 1933 года – со своим племянником, студентом Сашей Панкратовым, который спрашивает у дяди:

«– Правда, Ленин писал, что Сталин груб и нелоялен?

– Откуда ты знаешь?

– Какая разница... Знаю».

«Удивительный вопрос Рязанова («Откуда ты знаешь?») совершенно бессмыслен, – пишет далее В. Кожинов, – ибо деятель такого ранга никак не мог не знать, что еще за шесть лет до его разговора с Сашей, 2 ноября 1927 года, в «Правде» был опубликован текст речи Сталина, затем не раз переиздававшейся массовыми тиражами, – речи, в которой Сталин, в

частности, заявил: «Говорят, что... в «завещании» тов. Ленин предлагал съезду, ввиду «грубости» Сталина обдумать вопрос о замене Сталина на посту генерального секретаря другим товарищем. Это совершенно верно».

Если бы Саша задавал свой вопрос дяде до ноября 1927 года, – это было бы понятно. Но тот факт, что он задает его в 1933 году, может служить только разве показателем его невежества, его незнакомства с важнейшими политическими документами; что же касается надуманного вопроса Рязанова, который станет вскоре членом ЦК, он поистине абсурден.

Между тем в романе А. Рыбакова этот, в сущности, нелепый разговор предстает как едва ли не основная грозная завязка стержневой линии сюжета: якобы тайно разузнав о будто бы очень мало кому известной ленинской оценке Сталина, Саша Панкратов именно потому вступает в драматический конфликт со «сталинскими» силами...»

Остается добавить: и в сериале все точно так, как в романе. То есть сцена, о которой идет речь, сохранена полностью, дословно и с тем же грозным смыслом. Как это объяснить? Ведь критическая статья, на которую я ссылаюсь, была опубликована 16 лет назад!

Кстати, в ней же, рассмотрев и другие подобные факты, Вадим Валерианович написал: «В «Детях Арбата» очень много таких заведомо недостоверных сцен, свидетельствующих либо о незнакомстве автора с теми документами эпохи, которые в общем и целом доступны для изучения, либо о том, что автор игнорирует эти документы».

Такое же заключение следует сделать и об авторах телесериала. Думаю, они еще меньше были озабочены этой самой достоверностью, исторической точностью, соответствием документам. При том разгуле лжи, который господствует на телеэкране все последние годы, разгуле абсолютно безответственном и, наоборот, поощряемом, эта забота в их представлении стала бы, наверное, просто излишней роскошью. К чему стараться? И без того Л. Жуховицкий объявит: «Правдиво, детально, в полном соответствии с документами», а другой рецензент, Александр Неверов, в «Труде» провозгласит: «Дети Арбата» – образец исторической точности». Правда, добавит: «По сравнению с «Московской сагой». Разве что так – там-то всяческих «ляпов», даже по признанию А. Неверова, и того больше.

Впрочем, должен подчеркнуть: «ляпы» бывают разные. Если «ляпают» не случайно, а вполне сознательно, это уже нечто другое и называться, видимо, должно по-другому.

Пример. В «Московской саге» – разговор о «паранойе Сталина». Со ссылкой на Бехтерева – светило психиатрической науки того времени. Дескать, потому его и отравили...

Но я сошлюсь на нашу современницу – академика Бехтереву, внучку. Что она говорит по этому поводу? «Это была тенденция: объявить Сталина сумасшедшим, в том числе с использованием якобы высказывания моего дедушки, но никакого высказывания не было, иначе бы мы знали. Дедушку действительно отравили, но из-за другого. А кому-то понадобилась эта версия. На меня начали давить, и я должна была подтвердить, что это так и было. Мне говорили, что они напечатают, какой Бехтерев был храбрый человек и как погиб, смело выполняя врачебный долг».

Это было напечатано в еженедельнике «Аргументы и факты» в 1995 году и с тех пор неоднократно цитировалось (даже мною – несколько раз). Разумеется, можно предположить, что «сериальщики» этого не читали и не знают. Но не менее вероятно другое: знают, а сделали вид, что – нет. Так им нужно.

Хорошо, что хоть в обоих «знаковых» сериалах избежали соблазна показать, как Сталин руководит военными действиями по глобусу. А ведь тоже, как и в случае с Бехтеревым, имеется «авторитетный источник» – Хрущев. Заявил же, и не где-нибудь, а на съезде партии, что «Сталин операции планировал по глобусу». Военные операции. «Да, товарищи, возьмет глобус и показывает на нем линию фронта».

Кому поверим – анекдотчику Хрущеву или маршалу Жукову? Георгий Константинович в своих мемуарах четко о Сталине написал: «Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим».

Увы, посмотрев «Детей Арбата» и «Московскую сагу», этого не скажешь. Глобуса избежали, но в остальном, что касается военного времени, все, связанное со Сталиным, соответствует больше мстительным вымыслам Хрущева, а не правдивым воспоминаниям Жукова и других выдающихся наших военачальников.

Не стану анализировать линию Саши и Вари (артисты Евгений Цыганов и Чулпан Хаматова), да и другие сюжетные линии сериала. Повторю, я и не считаю любовную линию в фильме основной. Что касается других ответвлений от главного, сталинского, стержня, то о них можно сказать коротко: почти все они столь же убоги и однообразны, как в «Московской саге». Порой кажется, будто один сериал плавно перетекает в другой (так бывает с бесконечными фильмами про «ментов» на разных телеканалах – легко перепутать).

В самом деле. В «Московской саге» подлый соблазнитель интеллигентной девушки, выходец из рабочей семьи, с последующим абортom – и в «Детях Арбата» тоже. Там усыновление «кулацкого ребенка» молодыми героями фильма – и здесь то же самое: благородная троцкистка усыновляет кулацкого Тарасика. Там одна из героинь не хочет ехать со своим мужем-военным на Дальний Восток – и здесь, только не с мужем, а с любимым. Там другая героиня рвется из ненавистной «этой страны» с иностранцем в Америку – здесь во Францию. Там действие на определенном этапе почти полностью переносится в ресторан – и тут. Там то и дело чувствуется высокомерное отношение «элиты» к людям «второго сорта» – и здесь: достаточно вспомнить презрительный отзыв молодого антисталиниста про «какую-то доярку или свинарку», которая осмелилась высказывать свое мнение о пушкинской Татьяне из «Евгения Онегина». Ишь ты. Не пускать в калашный ряд!

Все это противно, поскольку несет определенную, совершенно недостойную концепцию. И в определенном духе воспитывает. Даже вроде бы «проходной» разговор двух каких-то случайных ребят на площадке вагона вовсе, как оказывается, не случаен. Разговор такой: «Ты шпаргалками пользуешься? – Пользуюсь. – А без них можешь? – А зачем?» И дальше, после небольшой паузы: «Ты комсомолец? – А зачем?»

Если соотнести этот разговор с последующими военными сценами, где в центре действия не комсомолка Зоя Космодемьянская, а девушка легкого поведения Варя, то для молодых зрителей должно быть очевидно, что не было якобы никакой особой роли комсомольцев в той войне...

В статьях про «Детей Арбата» и «Московскую сагу» пишут: у историка, беллетриста и телережиссера – разные задачи. В чем-то действительно разные. Но как историк, так и беллетрист и режиссер могут быть либо честными, либо бесчестными. И их отношение и позиция в оценке исторических событий проявляются в выполнении политзаказов на телесериалы.

В этом суть.

Превознесение предательства

Первый фильм по единственному, как отмечено некоторыми критиками, роману Александра Солженицына просмотрен. Десять телевизионных серий сделал режиссер Глеб Панфилов, обещав смонтировать затем из этого две серии для киноэкрана. Работа большая, широко разрекламированная. Для чего же предпринята она именно сегодня? Что это, всего лишь осуществление давней творческой мечты режиссера, прочитавшего тридцать лет назад запрещенный роман в «самиздате» и якобы сказавшего уже тогда: «Вот бы экранизировать!»?

Всякое рекламное признание перед телепремьерой за истину принимать, конечно, нельзя. На меня, например, если уж предаваться воспоминаниям, роман в то время не только не произвел какого-то особо сильного впечатления – наоборот, он вызвал сильное разочарование. И не у меня одного. Помню разговоры в кругу молодых научных работников космического НИИ: «Ну, это не «Матренин двор». Даже высказывалось мнение, что роман – вообще не солженицынский жанр, что рассказы у него получаются лучше. А здесь и схематизм, беглость в обрисовке характеров, и недостаток художественной изобразительности, преобладание прямолинейной публицистики и нарочитая заданность многих ситуаций. Особенно фальшиво выглядел абсолютно карикатурный Сталин.

Однако я допускаю, что Глеб Панфилов все это мог воспринять совсем иначе. Во всяком случае, режиссерский его талант и положенные немалые труды – как при подборе актеров, работе с ними, так и при создании того, что называется атмосферой художественного бытия, – дали свой результат. В чем-то, пожалуй, при переводе книги на кинематографический язык ему удалось преодолеть явные изъяны солженицынской первоосновы. Но сложность в том, что, какое бы произведение этого автора мы ни взяли, его трудно вычленишь из политического контекста. «В круге первом» среди них, если говорить о политической направленности, безусловно, на одном из первых мест.

Так что режиссерская мечта режиссерской мечтой, а появление на телеэкране сериала о советских зэках в январе – феврале 2006 года прежде всего следует объяснить повышенным интересом к данной теме со стороны тех, кто с подачи власти заправляет телевидением. Очевидность этого подтверждается всем телерядом последних месяцев, в который вписано солженицынско-панфиловское творение. Здесь же, на канале «Россия», совсем недавно показали «Мастера и Маргариту», придав этой работе антисоветский смысл и даже привнеся соответствующую добавку к Булгакову. На «Первом канале» прошел редкостно бездарный и антирусский по сути, но и опять-таки густо антисоветский «Есенин», а потом здесь взялись повторять одиозную «Московскую сагу».

А в каком непосредственном соседстве зрители смотрели «В круге первом» на том же главном государственном канале? Едва кончается «сталинская шарашка» – диктор истошным закадровым голосом вопит о сенсации из архива, которую должны посмотреть все. И что же? Оказывается, тухлятина про «немецкие деньги Ленину». Или следует «Терроризм в стиле ретро», а главные террористы в истории, оказывается, большевики. Или пускают Сванидзе с приторным восхвалением Ельцина как успешного борца против коммунизма...

Да, от ПАСЕ с его антикоммунистической резолюцией до государственного телеканала «Россия», от Полтавченко и Никиты Михалкова с гробокопательской инициативой «захоронения Ленина» до экранизации романа Солженицына. А в перспективе маячит и еще целая серия обещанных сериалов – антисталинских и антиленинских, антисоветских и антикоммунистических. Четко видя политический заказ (сомневаюсь, что кто-то еще не замечает!), что же всерьез разбирать художественные достоинства и недостатки таких произведений?

Тут можно говорить разве что о мере убедительности, с какой впаривается в сознание зрителей под соусом художественности тот или иной политический тезис.

В послесловии к сериалу сыгравший главную роль молодой актер Евгений Миронов сказал, что его семью и близких эти ужасы прошлого, к счастью, миновали. Более того, дед строил первый, еще деревянный ленинский Мавзолей, а у тети портрет Ленина был рядом с Христом. «Так было у этих поколений», – говорит артист, и чувствуется: чего-то очень важного при всех своих усилиях он все-таки понять никак не может. Хочет понять, но – не выходит у него, концы с концами не связываются.

Ну да, Александр Исаевич одержал победу, о чем артист, конечно, говорит вполне искренне. Но как относиться теперь к деду и тете, к отцу и матери, ко всем тем людям советского поколения, которые, ограничивая себя во многом и жертвуя многим, строили страну не в ГУЛАГе и не в «шарашке», защищали не в штрафбатах и не под дулами заградотрядов? У Солженицына, и не только в этом романе, повторяется мысль: отстояв страну во время войны, сделали ее окончательно «вотчиной Усача» (так изящно называется Сталин). И что же, не надо было отстаивать, а лучше сразу сдать? И все те, кто шел в бой с именем Сталина и у кого портрет Ленина был рядом с Христом, они кто же – дураки (поскольку ничего не понимали), преступники (поскольку защищали сталинскую «шайку» или «банду»), и не подлежат ли они теперь вместе со всей страной международному суду не только в Страсбурге, но и в Гааге?

Мы видим сегодня уже достаточно ясно, что такой суд становится все более реальным. Да что там, фактически он уже идет! Со всех сторон – от стран Балтии до Украины и от Вашингтона до ПАСЕ. Все при этом переворачивается с ног на голову – все оценки и критерии. Освободители стали оккупантами, а героями – бандеровцы и «лесные братья». Вот они точно были против Сталина, а значит, настоящие герои, вне всяких сомнений. И как же теперь нынешнее российское государство, юридически ставшее правопреемником Советского Союза, будет спорить с прибалтами и восточноевропейцами по поводу бесчисленных претензий, которые они предъявляют, если вместе с Солженицыным признает Советскую власть преступной?

Не ушел я от фильма. Нет, наоборот, приближаюсь к теме, которая и в романе, и в фильме, на мой взгляд, центральная, хотя при обсуждении стараются ее обходить. Вот и в телевизионном послесловии к сериалу, когда собрали жену писателя и «правозащитника» Лукина, ученого Сергея Капицу и актера Миронова, едва лишь коснулся кто-то «неудобной» темы, как сразу и ведущий Киселев, и другие постарались разговор от нее увести.

Между тем как замолчать-то, если с этого фильм (и роман) начинается, это образует главный его сюжет и этим же все завершается. Конечно, вокруг накручено много чего, и даже можно сказать, как некоторые критики и говорят, что именно это накрученное и есть самое основное – разговоры, споры в «шарашке», определение разными действующими лицами линии своего поведения, нравственный выбор, который делается тем или иным заключенным. Но нельзя при этом уйти от выбора, сделанного дипломатом Володиным в первых же кадрах сериала, как и на первых страницах романа.

А выбор этот следующий. Государственный советник второго ранга, что значило подполковник дипломатической службы, Иннокентий Володин, которому каким-то образом стал известен строжайший государственный секрет, решает выдать его, позвонив в посольство Соединенных Штатов. Речь идет не о чем-нибудь, а о важных технологических деталях производства атомной бомбы, которые должен получить советский разведчик в Нью-Йорке. И вот этого разведчика дипломат выдает своим звонком из будки телефона-автомата. Вопрос: кто он, дипломат Володин, – герой или предатель?

Если по законам не только советского, но и любого, я думаю, государства, то, конечно, предатель. Разве не так? Однако Солженицын замутняет и осложняет вопрос другой про-

блемой, которую я уже означил выше. Государство-то «преступное», во главе «шайка» (или «банда»), как именуется советское правительство. И тут Александр Исаевич зовет в подмогу себе и герою своему, Иннокентию Володину, не кого-нибудь, а самого Герцена. Это он в свое время спрашивал: где границы патриотизма? Почему любовь к родине надо распространять на всякое правительство?

Герцен имел в виду, конечно, правительство царское; Солженицын (устами дядюшки Авенира, по-своему наставляющего племянника Иннокентия) – советское. Можно бы, при всей разнице, и согласиться, что это так. То есть что любовь к родине и к правительству может расходиться. Лично я готов сказать это сегодня о себе (не знаю, как Александр Исаевич, написавший о постсоветском состоянии нашей страны книгу под названием «Россия в обвале» и отказавшийся от высокого ельцинского ордена в связи со своим юбилеем).

Но... есть при всем том очень большое но! И связано, на мой взгляд, оно с той конкретной ситуацией и тем конкретным поводом, которые испытывают любовь-нелюбовь дипломата Володина. Атомная бомба! Вот чего не хочет он, чтобы имела его страна, руководимая ненавистным правительством. Ибо, как внушал дядюшка Авенир, если уж атомная бомба попадет коммунистам в руки, то всему миру несдобровать. «Гражданин мира», каковым называет себя в мысленном монологе Володин, вот и хочет спасти мир.

Благородно! Красиво! Да только так ли на самом деле? Мир ли спасает герой Солженицына или ставит под жесточайший удар родную страну и родной народ?

Такой вопрос можно было бы счесть лишь теоретическим или абстрактным, для какого-то разностороннего спора и сопоставления разных альтернативных точек зрения, если бы не было вполне конкретного на него ответа, уже данного самой жизнью. Вот свидетельство главного редактора «Ядерной энциклопедии» Аллы Ярошинской (отнюдь не коммунистки, замечу). Собственно, это свидетельство даже не ее, а официального документа, который к нынешнему времени стал известен: «С лета 1945 года военно-политическое руководство США начало разрабатывать план ядерного нападения на СССР, определять цели. Первый проект (доклад № 329) назывался «Стратегическая уязвимость России для ограниченной воздушной атаки» и был датирован ноябрем 1945 года. В 1948–1949 гг. был подготовлен детальный план бомбардировки СССР. Предполагалось снести с лица Земли 70 городов и индустриальных центров, около двух тысяч объектов. Было подсчитано (вон как! – В. К.), что за месяц 2,7 миллиона людей будут убиты и еще 4 миллиона ранены». Да ведь это, наверное, какие-то сугубо минимальные, многократно приуменьшенные расчеты для успокоения мира и самоуспокоения. На самом-то деле 70 городов под атомной бомбардировкой с радиационно зараженной вокруг местностью разве столько миллионов погубили бы!

Причем здесь эта допустительная частица «бы» куда ближе к реальности, нежели в угрожающих речах дядюшки Авенира (читай, А. И. Солженицына). Ведь к тому времени американцы уже абсолютно реально показали, как они не только могут распорядиться атомной бомбой, но и распорядились. Это ведь они, американцы, а не советские коммунисты сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки! О чем, между тем, ни единым словом не вспоминается ни в романе Солженицына, ни в фильме. Будто и нет тут ни малейшего повода для обсуждения в тех высокоумных беседах, которые все время ведут между собой в «шарашке» солженицынские интеллектуалы. Да оно и понятно – почему. Для них, как и для самого автора, американцы – главный антипод ненавистных коммунистов в Советском Союзе, и уже поэтому они, как жена Цезаря, вне подозрений. Их если за что и можно упрекнуть, так только за недостаточную решительность в отношении Советского Союза. О чем много раз по разным поводам Александр Исаевич и заявлял.

Прошло время. Много времени прошло. В его свете совсем по-другому видится то, что когда-то кому-то казалось так, а не иначе. Это я к вопросу о мере понимания происхождения и о прогнозе на будущее. Например, сколько издевок у Солженицына и любимых

им героев по поводу наивности советских людей – ну, скажем, в отношении того же «американского империализма», которого, дескать, не надо было остерегаться. А оказалось-то, что наивность проявлял как раз Александр Исаевич со своими героями. Хотя, если точно, гораздо более чем просто наивность.

Разве не очевидно сегодня, что именно ядерный паритет (а не одностороннее владение США атомным оружием) спас мир, и в первую очередь нашу страну от неслыханных жертв? Это предвидели, это понимали крупнейшие физики Запада, помогавшие Советскому Союзу создать свой атомный противовес. И не ошиблись.

Ошибся Солженицын. В предсказании катастрофы, если коммунисты будут иметь атомную бомбу. В предсказании только благ для нас от американской политики, что также не сбылось. Нынче много требований к коммунистам каяться. Но вот имел возможность показаться в связи с этим телесериалом Александр Исаевич. Так, мол, и так, не по-моему и не по Володину вышло.

Нет, видно, гордыня не позволила сделать к сериалу такой авторский комментарий. Все осталось, как было написано полвека назад. Безо всяких комментариев. И усилия создателей фильма, как в свое время и автора романа, направлены на то, чтобы вызвать к Володину максимальное сочувствие, сопереживание, представить его безоглядным героем и чуть ли не безвинно страдающим человеком. Действительно, ради чего же, если не ради этого, сделана почти вся последняя серия, где арестованный дипломат начинает проходить выпавшие ему невзгоды на Лубянке? Мы должны непременно его пожалеть, чего всеми средствами добиваются режиссер и актер Дмитрий Певцов.

Подумать только, как грубо обращаются с человеком! И за что? Всего-навсего пытался обезоружить свою страну перед лицом буквально смертельной угрозы. А этот противный Сталин (актер И. Кваша делает его еще более примитивным и карикатурным, нежели писатель в романе), когда ему сообщают о поступке работника МИДа, так отвратительно рычит: «Предатель! Иуда!», повторяя это много раз. Восторгаться должен был и радоваться?

А вот «цивилизованные» американцы посадили на электрический стул супругов Розенберг по одному лишь подозрению в том, что они передавали Советскому Союзу какие-то атомные секреты. Хотя тогда это не было доказано, а теперь совершенно точно известно, что не выдавали.

Я знаком с ветераном советской разведки Александром Семеновичем Феклисовым, который немало сделал, чтобы наша страна вовремя обрела атомную бомбу. Вполне могло быть, что его схватили бы по наводке вот такого, как в фильме, Володина. Феклисову несколько лет назад было присвоено звание Героя России. Но, руководствуясь логикой солженицынско-панфиловского сериала, звание это надо присваивать не ему, а тому, кто хотел его выдать.

Может, в самом деле, постараться, поискать и – пусть посмертно – присвоить-таки прототипу героя «В круге первом»? Ведь Наталья Дмитриевна Солженицына утверждала в послесловии к фильму, что звонок такой в американское посольство был, что сделавшего этот звонок по голосу устанавливали. Значит, при желании можно его теперь установить и наградить?

Родина должна знать своих героев. Сегодня, кажется, это уже не Курчатов и другие советские ученые, делавшие «для Сталина» атомную бомбу. Они пособники «преступной власти».

Судя по всему, героями теперь могут стать генерал Власов, сдавший свою армию фашистам, полковник Генштаба Пеньковский, выдававший Западу советские военные секреты, бывший секретарь обкома КПСС Бакатин, который, возглавив в 1991 году службу государственной безопасности, выдал американцам всю систему электронного прослушивания,

установленную в их посольстве. Тоже, как и дипломат Володин, заботился о «благе человечества». Тоже, выходит, герой.

Только кто же тогда есть предатель и что есть предательство?

Оскорбление с претензией

«Словно в душу плюнули» – так озаглавил свою реплику, опубликованную в «Правде», ветеран Великой Отечественной войны Игорь Григорьевич Гребцов. Это один из первых откликов, которые наша редакция получила после показа на телеканале НТВ фильма «Ржев. Неизвестная битва Георгия Жукова». Продолжались возмущенные телефонные звонки, приходили письма по электронной почте, многие приносили свои обращения в общественную приемную «Правды». И среди обращений были просьбы предоставить слово кому-нибудь из специалистов по этой теме, хорошо ее знающих.

Мой собеседник – президент Академии военных наук, доктор исторических наук и доктор военных наук генерал армии М. А. ГАРЕЕВ говорит о телефильме «Ржев. Неизвестная битва Георгия Жукова».

Дошли до такой низости

– Махмут Ахметович, наверное, вы обратили внимание, какая бурная и громкая реклама предшествовала демонстрации этого фильма. Нам обещали показать «такую войну, какой телезрители еще никогда не видели». Интриговали тем, что «журналисты НТВ во главе с Алексеем Пивоваровым провели в тверских лесах и болотах почти столько же времени, сколько продолжалось сражение – едва ли не год», и предприняли якобы «собственное расследование происходившего здесь больше 65 лет назад». Ну и так далее, и тому подобное. Фильм, провозглашенный «настоящим событием», показали не просто в какой-то обычный день, а 23 февраля! Вы – один из авторитетных исследователей и непосредственный участник событий, о которых рассказывает это творение НТВ. Какое ваше общее впечатление?

– Самое тягостное и удручающее. Смотрел фильм как какой-то кошмарный сон. Из-за предвзятости, крайней ангажированности содержания и всей направленности его. Прямо скажу: толкование важнейших исторических событий, комментарии ведущих во многом не соответствуют тому, что в действительности было, и с точки зрения научной военной историографии несостоятельны.

– Согласны, что не случайно так получилось?

– Судя по всему, очень хотели, чтобы получилось именно так. Ведь нет даже серьезной попытки проанализировать и разъяснить зрителям сущность операций, проведенных в 1942 и 1943 годах на ржевско-вяземской земле! У нас есть историки, которые уже многие годы занимаются скрупулезным исследованием этих военных операций. Еще живы и непосредственные их участники, сражавшиеся на поле боя, работавшие в то время в Генштабе, в штабах фронтов и армий. Однако главной толковательницей сложнейших оперативно-стратегических аспектов происходившего назначена в фильме сотрудница Тверского областного музея Светлана Герасимова. Надо признать, что она не обладает ни должными знаниями, ни опытом, чтобы компетентно судить о многом.

– Почему же авторы фильма взяли ее на столь ответственную роль? А вот вы хотя в фильме тоже появляетесь, но лишь мельком...

– Взяли именно такого главного комментатора, я думаю, потому, что Герасимова находится всецело под влиянием печально известных книг американского историка Дэвида Гленца и немецкого генерала Хорста Гроссмана о ржевско-вяземских событиях. Все основные ее толкования заимствованы из этих книг, написанных, мягко говоря, нашими недоброжелателями.

А то, что моя персона оказалась в этом фильме, для меня явилось полной неожиданностью. После одной из конференций на Поклонной горе меня попросили высказаться по поводу операций, проведенных под Ржевом, Сычевкой и Вязьмой в 1942 году. Но потом все это обкорнали до нескольких фраз, выбросили самое важное. Видимо, так же поступили и с суждениями подключенных к фильму фронтовиков.

В общем, делавшие фильм бесцеремонно отбрасывали все не совпадавшее с заданной ими «идеей». Оставили только то, что, по их изуверскому замыслу, свидетельствовало бы о бессмысленности боев на ржевско-вяземской земле, о жестокости Жукова и других советских военачальников, о бездарности наших командиров, неумелости солдат, неисчислимых потерях, данные о которых в ряде случаев просто надумываются.

– Конечно, это далеко не первый фильм, сделанный в таком духе. Антисоветском, антироссийском. Но уж в данном случае особенно постарались...

– Да, наша армия представлена самым неприглядным образом. Как скопище тупых, неорганизованных и неуправляемых солдатских масс. Нет никаких умелых действий, нет ни подвигов, ни героизма. Но мы, фронтовики, знаем, что это не так. Была иногда и неразбериха, были ошибки и неудачи. Но были и массовые подвиги, благодаря чему достигнута Победа, были истинный героизм и мужество. Однако в фильме ничего этого мы не видим.

Не вполне достоверно изображены история 33-й армии, оказавшейся в окружении, действия Жукова и командарма Ефремова в тех обстоятельствах. Ошибки и со стороны Ставки ВГК, и командования фронтом имели место. Однако не безупречными были и решения, действия командующего армией. Главное состоит в том, что попавшие в окружение войска должны прорываться в том направлении, куда им приказано и где навстречу им готовится удар войск других армий. Без таких согласованных действий, да еще в обход решений и приказов командующего войсками фронта трудно рассчитывать на успех.

Но самое поразительное в фильме то, что роль главных судей здесь отведена недобитым фашистам, которые, совершив агрессию, нанеся нашему народу неисчислимые бедствия, но потерпев сокрушительное поражение, теперь получили возможность во всем нас поучать и оскорблять ветеранов войны, рассуждая о том, что наших солдат «как скот, гнали на бойню». Не случайно рефреном всего фильма проходят слова «мясорубка», «бойня» и т. п. Один из этих нацистов даже говорит, что они под Ржевом защищали свою родину, выполняли свой долг. А мы, выходит, были просто баранами? До такой низости и полного морального падения даже в худшие времена СМИ, по-моему, не всегда доходили.

Приходится еще раз сказать во всеуслышание, что нас, фронтовиков Великой Отечественной, никто на убой не гнал. Мы осознанно шли в бой, чтобы действительно защищать свою Родину, которую фашисты хотели поработить. Между тем ведь этот фильм направлен к тому, чтобы превознести фашистов и охаять Советскую Армию.

Не раскрывая, а скрывая правду

– На сей раз для нападков на Советскую Армию и дискредитации советского военного искусства избраны ржевско-вяземские операции. Причем все представлено так, будто эти операции до сих пор, особенно в советское время, тщательно скрывались, поскольку для нас они оказались неудачными. Но разве есть основания говорить о Ржеве как о «неизвестной битве»?

– Разумеется, нет. Ожесточенные сражения на ржевско-вяземской земле шли более года. Так, в январе – апреле 1942-го проводилась Ржевско-Вяземская наступательная операция, являвшаяся продолжением Московской битвы. Войска Калининского и Западного фронтов продвинулись на глубину от 150 до 350 километров. Была значительно ослаблена группа вражеских армий «Центр».

В июле – августе того же 1942 года проводилась Ржевско-Сычевская наступательная операция с целью не допустить переброски немецких войск на юго-западное направление. В ноябре – декабре 1942-го – операция «Марс», главной целью которой было сковать силы центральной группы армий противника и опять-таки не допустить переброски немецких войск с Московского на Сталинградское направление. В этих операциях советские войска не имели существенного продвижения, но главные цели были в основном достигнуты.

Вы верно обратили внимание, что при анонсировании фильма, о котором мы говорим, усердно рекламировалось, будто авторы впервые расскажут правду о тех событиях, которые, дескать, до сих пор всячески скрывались. Но это ложь! Можно сослаться на 6-й том «Истории Второй мировой войны 1939–1945 гг.», изданный в 1976 году, где сказано об операции «Марс» и на карте обозначено место ее проведения. Об этой операции говорится и в увидевшем свет в 1961 году «Стратегическом очерке Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», и в воспоминаниях Г. К. Жукова, А. М. Василевского, М. Д. Соломатина, М. Е. Катукова, А. Х. Бабаджаняна, Н. М. Хлебникова, А. П. Белобородова, К. Н. Галицкого и других советских военачальников. В военных академиях читались лекции об этих операциях. Опубликованы в достаточном количестве архивные документы и материалы. Да вообще, как могут быть неизвестными операции, в которых участвовали миллионы людей!

Относительно операции «Марс» много недопонимания и спекуляций еще и потому, что это не классическая стратегическая операция. Некоторые ее аспекты неоднозначны и сложны для правильного восприятия неосведомленными читателями или теперь телезрителями.

– *Что вы имеете в виду?*

– Во-первых, абсолютно не соответствует действительности мнение, будто операции на южном (Сталинградская – «Уран») и западном («Марс») направлениях – это две самостоятельные стратегические операции. После неудач в летне-осенних кампаниях 1941–1942 гг. Государственный Комитет Обороны прилагал огромные усилия, чтобы обеспечить резервами, оружием, боеприпасами, другими материально-техническими средствами прежде всего войска, предназначенные для контрнаступления под Сталинградом. Ставка Верховного Главнокомандования правомерно отказалась от одновременного проведения крупных наступательных операций на нескольких стратегических направлениях. Признано было необходимым «считать предстоящую операцию в районе Сталинграда главным мероприятием до конца 1942 года на всем советско-германском фронте, сосредоточив на ней основное внимание и усилия партии, правительства и всего советского народа». Вот в чем суть!

– *Но она-то как раз в фильме «Ржев» четко и ясно не раскрывается! Конечно же, намеренно, поскольку иначе сразу покосилась бы вся выстроенная ими конструкция...*

– Это безусловно! А ведь замысел Ставки ВГК состоял в том, чтобы «вначале разгромить неприятельскую группировку в междуречье Волги и Дона, а затем нанести удары на Северном Кавказе, Верхнем Дону и под Ленинградом. Чтобы сковать противника и лишить его возможности маневрировать силами, предусматривалось провести также наступательные операции в районах Великих Лук, Ржева и Вязьмы». Это я цитирую «Историю Второй мировой войны» 1976 года издания.

Главная цель операции в районе ржевско-вяземского выступа состояла, таким образом, в том, чтобы не допустить переброски резервов из состава группы армий «Центр» на южное направление, а по возможности и привлечь к себе дополнительные силы противника, чтобы тем самым обеспечить успех решающей Сталинградской операции. При этом учитывалось, что угрожающим для нас оставалось Московское направление и ослаблять его, рисковать им в обстановке конца 1942 года тоже было никак нельзя.

Такой была особая сложность положения, в которой приходилось действовать тогда советскому командованию. Невероятная сложность, до которой, впрочем, новоявленным «первооткрывателям» с НТВ нет никакого дела. У них – своя «песня»!

– Они ее «поют» то с помощью монтажа специально подобранных высказываний, а то и умолчанием, которое в этом фильме, по-моему, тоже играет очень подлую роль...

– Конечно, тогда в директивах фронтам не говорилось об отвлекающем характере проводимых ими наступательных операций и даже ставились задачи разгромить основные силы группы армий «Центр». Но это вполне понятно, ибо войска надо было убедить в серьезности стратегических намерений советского командования на западном направлении. Но лично командующих фронтами и армиями посвящали в суть операции. Командующий 3-й ударной армией К. Н. Галицкий в своих мемуарах рассказывает, что 19 ноября 1942 года (в день начала контрнаступления под Сталинградом!) на командный пункт его армии прибыл Г. К. Жуков в сопровождении командующего фронтом М. А. Пуркаева. И Георгий Константинович объяснил командарму:

«Все эти удары, взаимодействуя между собой, обеспечивают начавшееся сегодня контрнаступление советских войск под Сталинградом, сковывают резервы врага. Такова основная роль и 3-й ударной армии. Возьмете вы Новосokolьники или нет – все равно задачу будем считать выполненной, если притянете на себя силы врага и он не сможет их снять с вашего участка для переброски на юг...» «Но такая постановка вопроса, – замечает далее Галицкий, – резко меняла весь характер будущей операции. Наступление надо было организовать так, чтобы возможно дольше отвлекать силы врага».

– В чем же были особенности при проведении этой операции? О чем еще умолчали авторы этого телеизделия?

– Если внимательно взглянуть на карту операции «Марс», то нетрудно заметить, что удары наносились на широком фронте, на ряде разобщенных направлений с целью максимально сковать все основные группировки войск группы армий «Центр». При этом армии фронтов переходили в наступление в разные сроки. Так, 24 ноября начала активные действия 3-я ударная армия на Великолукском направлении, на другой день – 41-я, 22-я, 39-я армии Калининского и 20-я армия Западного фронта, а 28 ноября началось наступление Северо-Западного фронта против демянской группировки противника.

Стратегическая операция с далеко идущими решительными целями так не проводится, не говоря уж о том, что это не жуковский стиль. Как известно, Жуков всегда добивался максимального сосредоточения сил и средств на решающих направлениях.

Далее. Ставка ВГК, лично И. В. Сталин, придавая особое значение обеспечению успеха на Сталинградском направлении, были настолько преисполнены решимости приковать внимание германского командования к западному направлению, что пошли в этом отношении на самые экстраординарные меры. Кроме реальных наступательных действий, были осуществлены различные дезинформационные акции. По этому поводу один из руководителей разведки по линии НКВД П. А. Судоплатов пишет: «Дезинформация порой имела стратегическое значение. Так, 4 ноября 1942 года Гейне-Макс (агент советской разведки) сообщил, что Красная Армия нанесет удар 15 ноября не под Сталинградом, а на Северном Кавказе и под Ржевом. Немцы ждали удара под Ржевом и отразили его. Зато окружение группировки Паулюса под Сталинградом явилось для них полной неожиданностью».

Все это еще раз подтверждает, что И. В. Сталин был готов пойти на все ради выигрыша главного сражения под Сталинградом, и, конечно, он не стал бы так делать, если бы на западном направлении действительно затевалась равноценная стратегическая операция. А ведь Д. Гленц и следующие за ним авторы фильма, рассматривая ход операции «Марс» в отрыве от реальных и весьма сложных хитросплетений замыслов сторон, пытаются обвинить Г. К. Жукова и командующих фронтами в том, что они даже не позаботились об обес-

печении внезапности перехода в наступление. Видите ли, нынешние «толкователи» операции «Марс» знают, что наступление должно быть внезапным, а советские полководцы того времени до этого додуматься не могли!

При проведении всех операций на западном стратегическом направлении, в том числе и операции «Марс», над их организаторами и руководителями постоянно довлели и оказывали определяющее влияние военно-политические соображения, связанные с безопасностью и удержанием Москвы. В первой половине войны столица была остовом, основой устойчивости всего советско-германского фронта. Где бы ни наносил главный удар противник и куда бы Ставка ВГК ни направляла основные усилия, на первом плане у нее была Москва. С ее потерей становилась практически безнадежной судьба Ленинграда, других городов и районов СССР. Наступление германских войск на юге в 1942 году показало, что при условии удержания Красной Армией Москвы и прилегающих к ней центральных районов, даже в случае глубокого продвижения противника на других направлениях и наших тяжелых потерь в результате этого, страна сохраняет шансы для противостояния врагу.

Это ясно осознавало как советское Верховное Главнокомандование, так и германское. Ставке ВГК на западном, Московском направлении ни при каких обстоятельствах нельзя было рисковать и требовалось действовать только наверняка. Но и гитлеровское военное руководство хорошо понимало значение ржевско-вяземского плацдарма, рассматривая его как пистолет, направленный в сердце нашей страны.

– И вот при всем при этом телезрителям внушают версию бессмысленности боев под Ржевом!

– На Московском направлении действовали отборные, самые боеспособные и в основном только немецкие дивизии, тогда как на юге они составляли лишь около половины общего состава войск. Остальные – итальянские, румынские, венгерские соединения – действовали больше на флангах германской армии и представляли собой наиболее слабое звено всей группировки. Но среди войск, нацеленных на Москву, таких слабых мест практически не было!

Вследствие такого состава противника во всех операциях на западном направлении военные действия носили особо ожесточенный и упорный характер. Вот что надо бы телезрителям обязательно разъяснить!

При подготовке и проведении операции «Марс» имели место и упущения со стороны советского командования. Недостаточной была обеспеченность боеприпасами. Не всегда должным образом срабатывала разведка. К тому же приходилось действовать на очень сложной местности, которая давала больше преимуществ обороняющейся стороне. Все это привело к большим людским потерям, из которых только безвозвратные составили в операции «Марс» 70,4 тысячи человек (14 процентов численности войск к началу операции). Потери, к сожалению, велики, однако они сопоставимы с потерями в других сложных и трудных операциях. Так, в Синявинской операции Ленинградский фронт потерял 21,1 процента, Юго-Западный и Донской фронты в контрнаступлении под Сталинградом – соответственно 16,2 и 15,1 процента численности войск.

Мы, участники боев на ржевско-вяземской земле, тяжело все это переживали, иногда кляли начальство. Да и по прошествии более шести десятков лет боль за погибших товарищей до конца не утихает. Вместе с тем нельзя все сводить к ошибкам Жукова, как это делается в фильме «Ржев»! Хотя сам Георгий Константинович не раз выражал неудовлетворенность в связи с операцией «Марс», в том числе и в беседе с Константином Симоновым.

– Но Жуков – и это совершенно очевидно даже из названия фильма – самая главная личность, против которой направлен удар. Вы согласны?

– Безусловно! Именно поэтому многое из того, что он делал в то время, в фильме опять-таки замалчивается. А ведь надо иметь в виду, что, поскольку Ставка видела свою глав-

ную задачу в руководстве операцией на Сталинградском направлении, туда же было приковано и основное внимание заместителя Верховного Главнокомандующего Г. К. Жукова. Достаточно сказать, что и в ходе оборонительных сражений, и при подготовке контрнаступления (до середины ноября 1942 года) он работал в войсках Юго-Западного и Донского фронтов. В ходе Сталинградской контрнаступательной операции участвовал в выработке решения Ставки ВГК по разгрому группировки генерал-фельдмаршала Манштейна, пытавшейся деблокировать попавшие в окружение войска Паулюса, а также по завершению уничтожения окруженных соединений и частей и ряду других важных событий в ходе развития этой операции. Вот какой колоссальный объем и масштаб работы!

Малоизвестен факт, что в начале января 1943 года генерал армии Жуков снова появился в войсках Воронежского фронта. Об этом пишет и бывший начальник штаба немецкого 48-го танкового корпуса Ф. Меллентин. А появление Жукова на любом участке фронта означало серьезный сигнал для гитлеровцев и заставляло их подтягивать все свои силы.

Так было и под Ржевом в ноябре 1942-го. Как и предполагал Сталин, само прибытие туда Георгия Константиновича встревожило германское командование, которое сочло, что это означает подготовку крупного наступления на западе. На этом направлении до 24 ноября 1942 года (в районе Витебска) Гитлер держал генерал-фельдмаршала Э. Манштейна, и только окончательно поняв, где происходят главные события, отправил его под Сталинград.

В целом, несмотря на некоторые просчеты, Жуков в основном выполнил свою задачу по координации действий фронтов на западном направлении. А упреки относительно недостатков в подготовке и проведении операции «Марс» можно (и нужно!) адресовать также командующим войсками Калининского (генерал-полковник М. А. Пуркаев) и Западного (генерал-полковник И. С. Конев) фронтов, командармам и командирам соединений и частей. Да и мы, командиры низового звена, не можем не признать, что у нас тоже далеко не все получалось.

Но, несмотря на эти издержки и тяжелые потери, нет веских оснований для того, чтобы считать операцию «Марс» «крупнейшим поражением маршала Жукова», как об этом пишет Д. Гленц и как следует из показанного фильма. Нет оснований и для утверждения, что другие операции, осуществленные в районах Ржева и Вязьмы в 1942–1943 гг., были напрасными.

Так кто же в конце концов победил?

– *Очень серьезный вопрос, Махмут Ахметович, состоит в следующем. Авторы фильма приложили немало усилий, чтобы у тех, кто его смотрит, особенно у молодых, сложилось впечатление: под Ржевом победили не мы, а немцы. Вот и в опубликованном заранее анонсе говорилось так: «А главное – о нашей победе на ржевском выступе говорить не приходится. Фактически немцы сами оставили этот участок фронта, перебросив технику и людей под Курск». В фильме цитируется немецкий генерал Гроссман: «Непобежденным покинул немецкий солдат поле сражения». Но что же тогда есть победа? Вообще, как в военной истории принято оценивать итоги сражения, операции, войны?*

– Конечно, не по отдельным фактам и недостаткам, без которых на войне не обходится, и не только по потерям, хотя это важный показатель. Объективно обо всем можно судить только путем сопоставления того, какие цели ставили перед собой противостоявшие стороны и в какой мере эти цели были достигнуты.

Германское командование вначале ставило своей целью разгром советских войск на западном направлении, овладение Москвой. После провала наступления в 1941 году оно стремилось любой ценой удержать ржевско-вяземский выступ для возобновления удара на столицу.

Цель советского Верховного Главнокомандования состояла в том, чтобы удержать Москву, сорвать попытки противника продолжить наступление на Московском направлении, лишить его ржевско-вяземского плацдарма, а осенью 1942 года, кроме того, сковать основные силы группы армий «Центр» и не допустить переброски вражеских резервов на Сталинградское направление.

Чем все это кончилось?

Гитлеровскому военному руководству ни одной из поставленных целей достичь не удалось. Не только не была взята Москва, но и немецко-фашистские войска в итоге боев были выбиты с ржевско-вяземского плацдарма. Не удалось противнику перебросить свои силы и под Сталинград, где вермахт терпел жесточайшее поражение.

С переходом войск Калининского и Западного фронтов в наступление в двадцатых числах ноября 1942 года и до 18 декабря того же года германское командование было вынуждено привлечь на Московское направление из резерва и из стран Западной Европы еще 5 дивизий и 2 бригады. Вместо того, чтобы послать их под Сталинград. За счет перегруппировки войск и резервов группы армий «Центр» на направления, где советские войска наносили удары в районах ржевско-вяземского выступа и Великих Лук, немцам пришлось перебросить еще 10 дивизий. В итоге во второй половине декабря противнику удалось направить с центрального участка фронта на юг всего две дивизии! Таким образом, поставленная Ставкой ВГК перед операцией «Марс» задача – сковать силы группы армий «Центр» и не допустить переброски резервов на Сталинградское направление – была решена полностью.

Совершенно ясно, что победа в конечном счете была на стороне советских войск. Так что не приходится сожалеть по поводу итогов проведенных операций на западном направлении, в том числе и операции «Марс».

Но вот некоторых, кому больше по душе все чужое, «забугорное», приводит в умиление заявление воевавшего под Ржевом генерала Гроссмана о «непобежденном» здесь немецком солдате. А мы вроде вступили на эти земли побежденными? Но войска Западного фронта, воевавшие на ржевско-вяземском плацдарме, пришли в Берлин и Кенигсберг!

– *Подведите, пожалуйста, основной итог нашего разговора.*

– Советские солдаты и офицеры на ржевско-вяземской земле сражались и умирали не напрасно, что пытается отрицать этот подлый фильм. Они не менее самоотверженно и героически выполняли поставленные им задачи, чем бойцы и командиры на других участках фронта.

Упорные сражения в районе ржевско-вяземского выступа надламывали и истощали силы врага. Они подготовили условия не только для победы под Сталинградом, но и для успешного проведения последующих наступательных операций в 1943–1945 гг., которые привели нас к окончательной победе над нацистской Германией.

В результате ожесточенных боев противник в феврале – марте 1943 года вынужден был оставить ржевско-вяземский выступ – линия фронта была отодвинута от Москвы еще на 170–200 километров. Создались предпосылки для развертывания последующих операций на Псковском и Смоленском направлениях, а в последующем и Белорусской операции.

В целом об эффективности решений и действий советского командования осенью 1942-го – зимой 1943-го говорят достигнутые результаты. Разгромлена крупнейшая группировка противника на южном направлении, освобождены важнейшие промышленные районы страны, захвачена стратегическая инициатива, коренным образом изменилась военно-политическая обстановка на советско-германском фронте, укрепились позиции сил антигитлеровской коалиции, предотвращено вступление в войну против СССР Турции и Японии.

Вот о чем не следовало бы забывать авторам этого антипатриотического фильма! Вот о чем они должны были непременно рассказать нынешним телезрителям! Да только задачи тут ставились совсем иные...

Антисоветское толкование советского героизма

Рекламируют его уже как голливудскую знаменитость: «Новая масштабная документальная драма от создателя фильмов «Ржев. Незвестная битва Георгия Жукова» и «Москва. Осень 41-го». Однако вовсе не специальные компьютерные эффекты и прочие современные кинотехнологии, о которых немало жужжат в рекламе, сделали Алексея Пивоварова столь превозносимым. Суть в том, чему служат эффекты (сами по себе не ахти уж какие) у этого мальчукового ведущего теленовостей, ставшего вдруг создателем «военных исторических документал».

Подвиг от безысходности?

Почему очередной пивоваровский опус, посвященный легендарной защите Брестской крепости и с помпой показанный по НТВ, так назван – «Брест. Крепостные герои»? Просто игра слов? Нет, конечно. Не просто. И значение этого определения – «крепостные», несущего двойной смысл, сам автор перед премьерой напрямую выразил в интервью корреспонденту правительственной «Российской газеты». Пожалуйста:

«Я понял, что эти люди попали в жернова между двух бесчеловечных систем, абсолютно безразличных ко всему человеческому, к судьбам и страданиям людей. История выживших – это несколько дней обороны крепости, а потом – долгие годы в плену и долгие годы в советском лагере. Либо жизнь в безвестности и нищете с клеймом человека, который был в плену, а значит – с клеймом предателя. Все, что им оставалось, – это умереть героями, что почти все защитники Брестской крепости и сделали».

Вот вам концепция, на которую накручивается все остальное. Герои-то они, может, и герои, но, так сказать, вынужденные, советской крепостной зависимостью поставленные в безысходное положение. Оказались меж двух одинаковых жерновов – гитлеровским и сталинским. Куда податься? Стали героями...

Концепция, понятно, не оригинальная. Первооткрывателем Пивоварова тут не назовешь. Он лишь пытается иллюстрировать ее, заложенную во всю «новую историю» войны, на конкретном материале Брестской обороны. Убедительно иллюстрирует?

Сам-то он не сомневается в этом. Самоуверенность и самодовольство, переполняющие всех этих млечных, парфеновых, пивоваровых и т. п., – характернейшие свойства такого рода творцов. Да еще рекламно расписывают какие-то их поразительные труды и необыкновенные открытия...

Но где они? В чем? Что касается фактического материала, автор новой «докудрамы» берет его в основном из книг лауреата Ленинской премии Сергея Смирнова, проделавшего в свое время действительно огромную исследовательскую работу. «Новое» – в трактовке, в толковании фактов. Под углом антисоветизма, задачей которого является максимальная дискредитация всего советского. В данном случае – советского героизма.

Одни стояли насмерть, а другие сдавались

Итак, относительно безвыходности, которая, как нам внушают, только и привела к «невольному» героизму. Но ведь у защитников крепости, вошедших в историю как бессмертный гарнизон, выход был, причем изначально. Сдаться.

Пивоваров же сам рассказывает: нашлись такие, что почти сразу сдались. И придает этому некое идеологическое оправдание. Дескать, сдались в первую очередь «западники», то

есть призванные в Красную Армию из местных, из западных белорусов. Мол, злые Советы, которые пришли сюда в 1939-м, провели свою национализацию-коллективизацию. Так за что было местным эти Советы любить и защищать?

Допустим. Но все-таки хочется знать: та сдача в плен действительно была лишь «в отместку» Советам или, может быть, из-за обычной трусости? Ясно, что на большой войне бывало и то, и другое (в генерале Власове, кажется, соединилось). Однако здесь почему-то совсем исключаются трусость и малодушие. Во всяком случае, когда речь идет о сдавшихся, про возможное действие такого фактора Пивоваров даже не заикается.

Между тем косвенно фактор этот из его же фильма проглядывает. И тоже в отношении «западников», если назовем так поляков. Например, говорится, что 45-я немецкая (или, точнее, австрийская) элитная дивизия только за один день штурма Брестской крепости потеряла вдвое больше солдат, чем за всю польскую кампанию. Тут вспоминаешь, какой короткой та кампания была, сколь быстро сдались Гитлеру и французы, и «западники» из прочих европейских государств, где «злых Советов», как известно, не было, и мстить в угоду Гитлеру вроде никому не приходилось.

А вот советские люди в Брестской крепости (все, которые не сдались) сражались поистине героически. Это – факт. Как факт и то, что советские люди победили в войне. Хотелось бы объяснений от г-на Пивоварова, однако их в фильме нет. То есть нет самого главного.

Для пивоваровых любовь к Советской Родине и чувство долга перед ней – такой же «затасканный пропагандой миф», как дружба советских народов и руководящая роль партии коммунистов. Потому прибегают к туманно-абстрактному «нечто». Но если спрашиваешь еще живущих ветеранов той войны, абсолютное большинство их твердо отвечает: советский патриотизм – не миф, а реальность.

Почему герой лег на рельсы

Возможность создать антисоветский фильм об одной из ярчайших страниц советской истории Пивоваров увидел в послевоенной судьбе выживших героев Бреста. У многих из них поначалу она сложилась нелегко или даже драматически. Но Пивоваров всем приписывает трагическую долю. С ядовитой иронией замечая, что вождь, дескать, ясно сказал: «У нас нет пленных – есть изменники Родины». Только вот где и когда вождь так сказал?

Надо смотреть на человеческие судьбы конкретно. Да, все, кто был во вражеском плену, проходили государственную проверку. И один из главных героев Брестской обороны – майор Петр Гаврилов тоже ее прошел. Был восстановлен в воинском звании, назначен начальником лагеря японских военнопленных. Потом поселился в родном Краснодаре, где и разыскал его Сергей Сергеевич Смирнов, начавший собирать материал для своей книги «Брестская крепость».

Писатель Смирнов действительно нашел многих бывших защитников крепости, о которых страна тогда еще не знала, и своими книгами помог обрести им всесоюзную славу. Но разве все они были «в лагерях и на поселении», как утверждает Пивоваров? Ложь! Это видно даже из самого фильма. По тому же Гаврилову или, скажем, по воспитаннику музыкантской команды Пете Клыпе. Он ведь после плена вернулся в родной Брянск, жил и работал там, а осужден был не за плен – совсем за другое.

Были, конечно, несправедливо осужденные. Человек подписал, например, не читая, протокол допроса, а недобросовестный следователь там, оказывается, записал: служил в армии Власова. Могло быть и такое. Но допустимо ли выдавать исключение за правило? Ведь после фильма Пивоварова у несведущих сложится впечатление, будто почти со всеми происходило именно так.

Мне довелось писать в начале 90-х про одного из защитников Брестской крепости, которого звали Тимерян Зинатов. Как у него сложилось? Прошел все тяготы немецкого концлагеря, но сумел бежать. Выйдя вместе с другом летом 1944-го к нашей воинской части возле чехословацкой границы, стал бойцом 227-го гвардейского истребительного противотанкового артполка. В его рядах, награжденный орденами Славы и Отечественной войны, и закончил боевой путь.

А потом татарин, родившийся в Башкирии, стал строителем. Возводил жилые дома в Кемерове и Прокопьевске, участвовал в строительстве БАМа. И почти каждый год приезжал в Брест, в мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой», с работниками которого вел постоянную переписку.

Последний раз он приехал сюда в сентябре 1992-го – после уничтожения Советского Союза, за который воевал. Обошел памятные места в крепости и в городе, которые отошли уже к другому государству, простился и... лег под поезд. Оставив записку: «Извините, что таким образом объявляю протест нашему ельцинско-гайдаровскому правительству. Конечно, это не метод борьбы, но другого выхода у меня нет бороться с теми, кто нас, ветеранов, поставил на колени... Если бы тогда умер от ран, я бы знал: погиб за Родину. А вот теперь – от собачьей жизни. Не считайте меня сумасшедшим...»

Вы помните, Ельцин клялся лечь на рельсы, если допустит ухудшение жизни народа? Но на рельсы лег старый солдат – защитник Отечества. И одной из главных причин, как можно было понять по его письмам, стала невыносимо оскорбительная для ветерана перелицовка советской истории, в том числе Великой Отечественной войны, развернувшаяся с началом «перестройки».

Убившая защитника Брестской крепости полвека спустя после его подвига, она всю продолжает сегодня. Вот и в новом пивоваровском творении – тоже.

Свой итоговый вердикт автор выносит в финале картины: «Выжившим защитникам Брестской крепости повезло. Благодаря влиятельному заступнику их подвиг признали подвигом. А сколько безвестных героев войны так и не дождались своего Смирнова!»

На той войне было столько героев, что «безвестных», видимо, гораздо больше, чем знаменитых. Но ведь все они знали:

Страшный бой идет, кровавый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

Они и шли на смерть не ради славы или, скажем, денег, что нынче превыше всего. Да понять ли это нынешним пивоваровым?!

Я убежден: большинство знаменитых и «безвестных» советских героев, которых уже нет с нами (защитников Бреста не осталось совсем), не простили бы, что на их подвигах сегодня строится пропаганда против их Советской Родины. И живущие протестуют, как было с участниками Ржевской битвы после фильма Пивоварова о Ржеве. Ну и что? Фронтовики протестуют, а клеветнику все равно вручают почетные швыдковские премии как выдающемуся мастеру ТВ.

Цинизму и кощунству нет предела.

Враньем по Сталину

На телеканале «Россия» в сериале «Вольф Мессинг. Видевший сквозь время» нам подробно рассказали про жизнь человека, обладавшего, если верить авторам, не просто редкими и удивительными, но прямо-таки фантастическими способностями. По сюжету этот маг и чародей, известный в свое время широкой публике концертными выступлениями с «психологическими опытами», способен на гораздо большее. Да что там, он может практически все! Легко выйти из жестко охраняемой тюремной камеры и с абсолютной точностью предсказать ход Второй мировой войны, за минуту вылечить больного ребенка и в начале футбольного матча безошибочно назвать его конечный счет...

Это – в фильме. А в жизни тоже было так?

Сочинение Хвастунова, обогащенное автором «Штрафбата»

Нет, как выясняется, большинство мессинговских чудес, поражающих зрителей с телеэкрана, реальных подтверждений никогда не имело и не имеет. Есть основания сказать, что не было в действительности и тех встреч с историческими деятелями (Сталин, Берия, Хрущев, Эйнштейн, Фрейд, Гитлер и др.), которым в фильме отведено так много места. Откуда же все это взялось?

Ответ прост. Сверхувлекательную биографию Мессинга сочинил журналист «Комсомольской правды» Михаил Хвастунов, взявшийся в 60-х годах прошлого века помочь известному эстраднему артисту создать книгу «О самом себе». Собственно, журналист эту книгу от начала до конца и создал, опираясь не столько на достоверные жизненные факты, сколько на фантазии Вольфа Гершиковича и всяческие легенды вокруг него, приумноженные хвастуновской бурной фантазией. Расчет был беспроигрышный: такой феномен, как Мессинг, все спишет и оправдает, а уж книжка точно станет бестселлером – читательский интерес к ней заранее обеспечен.

Ясно, что на то же самое рассчитывали инициаторы телепроекта о телепате. А выбор автора сценария в лице Э. Володарского, «достойно» зарекомендовавшего себя знаменитым «Штрафбатом», гарантировал: придуманное Хвастуновым будет существенно дополнено и обогащено.

Как хотели, так и получилось

«Свой сценарий Эдуард Володарский не только основал на выдуманной биографии Мессинга, но и приукрасил ее своими домыслами, – комментирует авторитетный психотерапевт и психиатр, президент Московской психотерапевтической академии М. Буянов. – Кроме откровенного вранья, там еще есть и много ляпов».

А заслуженный юрист России Н. Китаев, более 30 лет изучавший жизнь и «чудеса» Вольфа Мессинга, о результате ухищрений авторов сериала отозвался так: «Не фильм, а развесистая клюква. Мессинг не был близко знаком ни со Сталиным, ни с Гитлером. Вообще, все это – порождение фантазии, невежества, доверчивости и коммерческих наклонностей, весьма далекое от истины».

Есть фантазии особого рода.

После компетентных отзывов, приведенных выше, можно было бы поставить точку. Мало ли «развлекухи» изо дня в день льется по нынешним телеканалам – всего не отследишь и не прокомментируешь. Да и нужды в том нет.

Однако здесь все-таки случай особый. Потому что сериал – не только о Мессинге, но и... о Сталине.

Да, среди исторических личностей, с которыми экстрасенс якобы встречался, ключевая роль и самое значительное место отведены, безусловно, руководителю Советской страны. Более того, Сталин становится своеобразным центром всего сериала, что превращает фильм из частной истории человека с необыкновенными способностями в историю политическую. Впрочем, если точнее – в политико-фантастическую.

Каков здесь Сталин? После начальных встреч с ним на вопрос о том, каким он представлялся Мессингу, «прорицатель» изрекает: хитрый и жестокий. Далее это надо как-то подтвердить. И первым аргументом на тему жестокости становится нежелание вождя обменять своего сына Якова, оказавшегося в немецком плену, на фельдмаршала Паулюса. Это решение потрясает Мессинга, с которым почему-то вождь счел нужным посоветоваться, обменивать или не обменивать.

Но еще большее потрясение впереди. Мессингу видится, что самолет, на котором хоккейная команда ВВС вместе с другим сталинским сыном – Василием полетит в Свердловск, разобьется. Мессинг спешит предупредить Сталина. И что же? Своего сына жестокий и хитрый властитель с рейса снимает, а команда целиком погибает в катастрофе.

Могло ли быть такое? Правдиво здесь лишь то, что трагический случай с хоккейной командой имел место в январе 1950 года. Все остальное – сочинение. И не требуется каких-то особых расследований, чтобы утверждать это. Просто «в предложенных обстоятельствах» поступок Сталина совершенно нелогичен. Если до этого Сталин убедился, что все мессинговские пророчества сбываются, почему не распорядился отправить команду в Свердловск поездом, как тот предлагал и просил?

В действительности Иосиф Виссарионович (как и Мессинг) не знал об этом полете, который генерал авиации Василий Сталин организовал для любимой команды на машине из авиаполка особого назначения. Но надо продемонстрировать сталинскую жестокость! Она тут абсолютно немотивированная, бессмысленная? Ну и пусть. Так, с точки зрения сценариста Володарского, даже лучше. Главное – есть повод Мессингу закричать в отчаянии: «Он меня обманул!» И как эффектно именно с этого начать сериал – интригует и завлекает...

«Клеветы! А логика тут не обязательна»

Итак, прямая ложь о Сталине. На юридическом языке – клевета. Только какой же суд будет нынче выносить соответствующий приговор? О Сталине сегодня допустимо говорить, писать, показывать любое вранье – и чем хуже, тем лучше.

Могут возразить: это ведь художественный фильм, а не документальный. Дескать, художник имеет право домысливать.

Так-то оно так, но, поскольку речь идет о личности исторической, должны быть, наверное, какие-то границы домысла. По крайней мере, он должен быть хотя бы логичным.

Куда там! Незадолго до шестнадцатисерийной версии по Первому каналу прошел двухсерийный телефильм о том же Мессинге. Очевидно, хотели опередить готовившийся на «России» сериал. Была даже заявлена претензия на соединение жанров – документального и художественного. А что мы увидели в связи со Сталиным? Ту же фантазию, в чем-то и похлеще.

Там Сталин, чтобы проверить способности Мессинга, дает ему задание выйти из Кремля через охрану без пропуска. И тот выходит. А Сталин? Закадровым голосом нам было сообщено: он отдал команду расстрелять всех, кто стоял в охране.

Помилуйте, какая же логика в этом! Ведь подтвердились сверхъестественные способности человека, в чем охрана, конечно, не виновата. С какой стати расстреливать?

Абсурдность такого исхода, кажется, все-таки дошла до создателей нового сериала. У них сюжет с выходом и входом Мессинга без пропуска происходит первый раз уже не в Кремле, а на Лубянке: «эксперимент» проводит не Сталин, а Берия. И самое главное: ни о каком расстреле охранников речи уже не идет. Ни в сценах с Берией, ни со Сталиным. Так в конце концов убил проклятый тиран всех их ни за что или нет?

Вопрос мой, конечно, риторический. Со здравым смыслом не считаются, когда надо оклеветать Сталина. Вот и Никита Михалков в своих «Утомленных солнцем-2» придумал сцену, где Сталин бессмысленно обрекает на гибель сотни или даже тысячи людей. И эти кадры как документ (!) крутили в передаче «Имя Россия», посвященной Сталину.

Словом, придумай, изобрази о Сталине какую-нибудь гадость, а люди, глядишь, воспримут твою придумку как нечто реальное. Ну, если не все так воспримут, то многие. А это, собственно, и требуется.

Возвращаясь к сериалу «Вольф Мессинг», скажу, что талантливый Алексей Петренко играет Сталина очень плохо. Насквозь фальшиво. Видимо, фальшивый материал не вдохновляет.

И очень жаль, что в эту скверную историю втравились талантливые режиссеры Владимир Краснопольский и Валерий Усков. Думаю, со временем им будет стыдно. А может быть, стыдно уже сейчас?..

Между тем вслед за антисталинистским «Вольфом Мессингом» на канале «Россия» начали повторно крутить «Завещание Ленина». О «сталинских» лагерях. Подготовка к 130-летию со дня рождения советского вождя на телевидении шла по плану.

Жалкие потуги ничтожеств и лжецов

Уже многие годы, начиная с «перестройки», ленинская тема, наряду со сталинской, стала объектом постоянных спекуляций, извращений и клеветы в российских средствах массовой информации. Прискорбно, что активное участие в этой вакханалии принимают и некоторые ученые, как видно, вконец потерявшие профессиональную совесть.

Политический заказ приводит к тому, что телеэкран и газеты определенного толка под видом фактов или «версий» тиражируют подчас просто вопиющие нелепости. Но, поскольку массовое невежество за постсоветское время достигло небывалых масштабов и многие привыкли теперь питаться больше «жареными» сплетнями, нежели серьезными и достоверными источниками, они с готовностью глотают любые выдумки. Ведь чем выдумка нелепее, тем бывает занятнее.

Сегодня мой разговор по этому поводу с доктором исторических наук, профессором Владиленом Логиновым – одним из авторитетнейших знатоков жизни и деятельности В. И. Ленина, автором ряда книг и множества научных работ о нем.

Задача ставится такая: больше грязи и пошлости

– Владлен Терентьевич, давайте начнем с недавнего факта. Вот телеканал НТВ открыл свой новый проект, как нынче принято выражаться. Следом за «документальными сериалами» под названием «Кремлевские жены» и «Кремлевские дети» теперь пошли «Кремлевские похороны». Замысел очевиден: напрямую вышли к самому что ни на есть политически животрепещущему – к ленинскому Мавзолею, к красному некрополю у Кремлевской стены. Через тех, кто здесь упокоен. Так что не составляет ни малейшей трудности догадаться, какая поставлена цель и какими постараются изобразить персонажей этого очередного телесериала, а также обстоятельства их жизни и кончины. Начали, естественно, с Ленина. И хотя заранее ничего хорошего я не ожидал, все равно увиденное поразило. Не скрою, был удивлен вашим участием в такой передаче...

– Приглашения, подобные этому, всегда озадачивают. Идти или не идти? С одной стороны, надо же сказать с экрана правду, если такая возможность предоставляется. А с другой – каждый раз боишься подвоха. Ведь неизвестно, что потом вырежут и что оставят, как смонтируют и в каком ты окажешься соотношении с другими участниками. Вот почему в этом случае, как и в других, я перед снимавшими телефильм поставил условие: обязательно показать мне то, что получится.

– А они?

– Обещали. Но обманули. И когда я увидел на экране результат, возмущен был крайне.

– Что особенно возмутило?

– Группа, снимавшая «Похороны Ленина», приезжала ко мне и два часа снимала мой рассказ о болезни Ленина, о его «Завещании», о той политической борьбе, которая развернулась в этот момент в правящей партии. Потом расспрашивали о Куйбышеве, о смерти Кирова. Расставаясь, я пожелал группе: «Ради бога, не надо в ленте о Ленине эксплуатировать тему сифилиса. От этого за версту несет пошлостью».

Дело в том, что история болезни Ленина и причина его смерти изучены достаточно полно. «Загадок» и «сенсаций» тут не осталось. Достаточно указать на книгу академика Академии медицинских наук Юрия Михайловича Лопухина «Болезнь, смерть и бальзамирование В. И. Ленина», в которой собраны все материалы, касающиеся данных сюжетов.

Но разве этого ждут заказчики сериала? Конечно, нет. Атеросклеротическая природа болезни, тот факт, что левая внутренняя сонная артерия, как выяснилось при вскрытии, ока-

залась полностью облитерированной (закупоренной), их не устраивают. Как не устроил бы, скажем, и диагноз «болезнь Альцгеймера» или «болезнь Паркинсона» – слишком интеллигентно звучит. Вот «сифилис» – это другое дело: просто, понятно и грязно. Ну а то, что срезы мозга, сосудов, почек, печени, реакция Вассермана крови, анализ спинномозговой жидкости дали отрицательный результат – на это можно наплевать, то есть просто умолчать об этом. И всегда найдется услужливый приват-доцент, который с глубокомысленным видом если не объяснит что-то, если и не докажет чего-то, то, во всяком случае, запутает любую проблему.

– Действительно, какой-то кандидат медицинских наук с невероятно туманными, мутными рассуждениями «вокруг да около» на экране появляется. Лишь бы запачкать гигантскую личность Ленина!

– Мы живем во времена воинствующей пошлости и торжествующего мещанства. А для мещанина человечность героя – это прежде всего снижение его до собственного уровня. Еще Горький писал, что в этом проявляется стремление мещан «не только принизить выдающегося человека до уровня понимания своего, но и попытаться свалить его под ноги себе, в липкую, ядовитую грязь...»

Не брезгуют, естественно, и фальшивками. Несколько лет назад «Мир путешествий» опубликовал якобы «письма» Ленина Дзержинскому 1923 года. От этих «писем» дурно пахло, и солидные газеты перепечатывать их не стали. А в фильм «Похороны Ленина» одно из них – с матерной бранью – вошло, хотя авторы ленты перед этим толковали, что в 1923 году Владимир Ильич никаких писем не писал.

Сплетни, сплетни, сплетни...

– Когда на телеэкране показывают нечто документальное – письмо, справку, доверенность и т. п., это производит впечатление особой убедительности. Не все же знают, что демонстрируемое подделано или ловко подтасовано. Впрочем, вовсю пускаются в ход и обыкновенные сплетни, документально ровным счетом никак не подтвержденные. Вы согласны с этим?

– Да, главная сюжетная опора тех же «Кремлевских похорон» – это, конечно, сплетни. Крутым поворотам истории всегда сопутствует накопление «исторической помойки» – сплетен, слухов, наветов и клеветы. Увы, эта помойка не растворяется во времени. Она тоже является специфической частью человеческой памяти. А когда возникает «заказ», ее содержимое извлекается из небытия. И тогда «помойка» становится для определенных средств массовой информации богатейшим источником «нового прочтения» давних событий.

У всех «Кремлевских» серий, в том числе и в «Кремлевских похоронах», есть сквозной «главный герой». Это две кумушки-сплетницы, которые и раскручивают сюжет каждой ленты.

Сколько лет кормили зрителя байкой о том, как Сталин отравил Горького шоколадными конфетами. Выяснилось, что источник сплетни врет, ибо никогда с доктором Плетневым эта дама в одном лагере не сидела и рассказать ей эту «версию» он никак не мог. Но не беда. Взамен идет другая «версия». И в фильме «Похороны Горького» на авансцену выходит агент ЧК, ГПУ и НКВД баронесса Будберг с иным набором ядов.

Умирает Дзержинский. От сердечного приступа. Нет! В ленте «Похороны Дзержинского» зрителю толкуют о том, что Феликс Эдмундович якобы застрелился. Умирает Менжинский. И тут диагноз известен... Нет! Сначала пускают сплетню о его «голубизне». Потом о тяжелой психической наследственности. А кончается все опять-таки ядом и отравлением. И хотя каждый раз стыдливо оговариваются, что неоспоримых доказательств нет, но «версия» есть. Самое смешное, что главным «источником вдохновения» в данном случае стали

для авторов судебные процессы 1937 года. Может быть, поэтому их сюжеты и остались в рамках ежовских фантазий.

Разоблаченные фальшивки по-прежнему в ходу

– Фальшивкам, изготовленным с определенной целью, и сплетням, распространяемым тоже политически небескорыстно, согласитесь, одна цена. Но я думаю в связи с этим вот о чем.

Установлено и доказано, допустим, что бумага, выдаваемая за документ, сфабрикована. Стало быть, «документ» этот надо перечеркнуть. То есть раз и навсегда он должен быть выведен из обращения, на него недопустимо ссылаться, на нем, пусть и без упоминания, ни в коем случае нельзя строить какие-либо доказательства. Особенно, подчеркну, в публичных выступлениях. Однако не следуют этой логике! И, пытаясь любым способом скомпрометировать Ленина, до сих пор повторяют выдумку его политических врагов о «немецких деньгах», которые большевики якобы получали от германского генерального штаба. А ведь основано это на самых настоящих фальшивках, сфабрикованных в определенных политических условиях и полностью разоблаченных. Не так ли?

– Именно так. Известно, что фальшивые документы о якобы имевших место связях большевиков с германским генеральным штабом изготовил и продал американцам польский авантюрист и писатель Осендовский. Тогда, в начале 1918 года, эти подделки были нужны, чтобы как-то оправдать, легитимизировать интервенцию английских, американских и французских сил в Советскую Россию.

Еще раньше, летом 1917 года, было сфабриковано «дело Гонецкого». С помощью английской и французской разведки. А с целью – опять же дискредитировать большевиков, объявив их, и в первую очередь Ленина, «немецкими шпионами». Небезызвестный Александр Николаевич Яковлев уже сравнительно недавно потрясал на телеэкране денежными переводами, которые большевики якобы получали из Германии и Швеции. Хотя неопровержимо доказано: переводы эти на самом деле – из России в Германию, и представляли они собой плату за проданные товары, конкретно – за медикаменты и детское питание.

– Все эти разоблачения опубликованы ведь неоднократно?

– Да. В том числе не раз опубликованы и в нашей стране за последние годы. Так, в 1994 году вышла книга доктора исторических наук В. И. Старцева «Ненаписанный роман Фердинанда Осендовского». Это как раз об авторе фальшивок, связанных с «немецким золотом». В 2001 году ее переиздали. В 2002 году вышла капитальная монография профессора Г. Л. Соболева «Тайна немецкого золота». Перевели исследование, посвященное данному сюжету, патриарха западной советологии Джорджа Кеннана, а также убедительные работы американского историка С. Ляндерса.

Во всех этих и других исследованиях подробнейшим образом проанализировано, кто, когда, почему и по чьему заказу изготавливал фальшивки о Ленине и «золоте Вильгельма». Точно указано, кому и сколько за это заплатили...

Казалось бы, все... Но как бы не так! «Лениноеды», дабы не отлучили их от кормушки, делают вид, что указанной литературы просто не существует. Как говорится, «плюнь ему в глаза, а он скажет – божья роса». Вот и продолжают писать свои злобно антиленинские книги и статьи, продолжают печь радио – и телепередачи. Я уже убедился, что взывать к совести этих людей – пустое.

В Ленина никто не стрелял?

– Наряду со старыми, давно пущенными и давно же разоблаченными клеветами на Ленина, современные антисоветчики придумывают и кое-что новое. Фантазия бурно работает! Например, недавно так называемая «Комсомольская правда» попотчевала своих читателей «сенсацией» от писательницы Полины Дашковой. До сих пор Дашкова была известна как автор детективных романов, и, видимо, профессиональные ее особенности сказались в том, что она выдала теперь на-гора. А выдала следующее: оказывается, 30 августа 1918 года никакого покушения на Ленина не было. То есть никто в него не стрелял!

– Так ведь две пули в теле Владимира Ильича были. Одна извлечена во время операции 23 апреля 1922 года хирургами Борхардтом и Розановым в Солдатенковской (ныне Боткинской) больнице. А еще одной пулей из револьвера Фанни Каплан, как известно, была ранена работница завода Михельсона, которая находилась в тот момент рядом с Лениным.

– Известно, разумеется, и про это, и про пулю, извлеченную из тела Владимира Ильича. Но детективица все отрицает.

– А что утверждает?

– «Я думаю, – говорит, – никаких пуль там вообще не было».

– Что же тогда произошло с Лениным вечером 30 августа 1918 года?

– О, вы ни за что не догадаетесь! Это был просто «спектакль», по выражению детективицы. Далее цитирую: «Возможно, во время спектакля во дворе завода Михельсона он (то есть Ленин) упал неудачно и сломал руку – она у него действительно была загипсована, а дальше замечательно разыгрывал из себя больного». Разыгрывал! Ну каково?

– Поистине безграничная фантазия. Раньше, когда решили взяться за этот сюжет, чтобы напустить тумана и оправдать Каплан (дескать, стрелял кто-то другой, а не она), упор делали на плохое ее зрение. Не могла, мол, она попасть в цель.

– Это есть и у Дашковой! Про плохое зрение Каплан много толкуется.

– Хотя в момент покушения снайперский глаз ей вовсе и не нужен был – от Ленина ее отделяли каких-то два-три шага.

Но я хочу сделать еще одно важное дополнение, которое все эти фантазеры упорно игнорируют. А надо бы учитывать, что к августу 1918-го зрение у Каплан значительно улучшилось. Во время пребывания на каторге она действительно стала его терять. Однако после Октябрьской революции ее как политкаторжанку послали на лечение в санаторий, в Крым. Наркомом здравоохранения там был в это время Дмитрий Ильич Ульянов. Он дал ей направление на операцию в Харьков. Операция прошла успешно. И сохранилось письмо Каплан ее близкому другу, в котором она – с изрядной долей экзальтации – пишет, что мир с его светом и красками вновь вернулся к ней.

Вся суть именно в том, что авторы подобных «сенсаций» всегда прут против очевидного или твердо доказанного. Против фактов. И против совести...

– Вот насчет совести у той же Дашковой, судя по всему, огромный дефицит. Давая общую характеристику Ленину (а он, оказывается, должен стать действующим лицом очередного ее романа), она представляет его как «абсолютно серую, очень неприятную личность», не имевшую «полноценного образования». Мало того, я цитирую: «И за всю свою жизнь не заработал собственным трудом ни копейки! Он ничего не умел. Он мог только интриговать, призывать и кланчить деньги». Сильно сказано?

– Когда г-жа Дашкова говорит о том, что Ленин за всю жизнь ни копейки не заработал, а все время кланчил деньги у матери, то это, простите, заведомая ложь. Он получал заработную плату, когда после университета работал помощником присяжного поверенного в Самарском, а затем в Петербургском окружных судах. Будучи в ссылке, он трижды обра-

щался к матери с просьбой о небольших «внутренних займах». И она присылала. Но он всегда отдавал долги из тех гонораров, которые получал за свои труды.

За «Развитие капитализма...» ему выплатили около 1500 рублей. За перевод двухтомника Сиднея и Беатриссы Вебб «Теория и практика английского тред-юнионизма» – около 1000 рублей. И на все эти гонорары – включая сборник «Экономические этюды...» и статьи в столичных журналах «Научное обозрение», «Жизнь», «Мир Божий», «Начало» – он выписал доверенность Анне Ильиничне, которая возвращала долги матери и пополняла «семейный фонд». Кстати, и она сама неплохо зарабатывала переводами.

Да о чем мы толкуем! Достаточно посмотреть на 55 томов ленинского Собрания сочинений, достаточно вспомнить всю его многолетнюю сверхнапряженную работу по созданию партии и руководству ею, а затем и по руководству Советским государством, чтобы каждому стало ясно: изображать Ленина каким-то патологическим бездельником, захребетником и сибаритом может только человек, лишенный элементарного стыда.

Что касается того, что Ленин любил отдыхать «на каких-то замечательных заграничных курортах», как утверждает мадам Дашкова, то она имеет в виду, наверное, письмо Владимира Ильича матери от 6 июля 1895 года. Но ведь это письмо писалось специально для цензоров, перлюстрировавших всю его переписку. На самом же деле он находился в эти дни в швейцарской деревушке Ормоны, где состоялась его встреча с Плехановым.

«Версия» – это выдумка

– Мне хотелось бы, Владлен Терентьевич, разобраться все-таки в понятии «версия», которое очень широко используется нынче во всякого рода сочинениях на исторические сюжеты, в том числе связанные с Лениным. Что же такое версия? Должны быть хоть какая-то фактическая основа, хоть какое-то документальное подтверждение тому или иному предположению, выдаваемому за историческую версию, или можно выдумывать все что угодно «с потолка»?

Я, например, с уважением относился к передаче «Постскриптум» на телеканале ТВЦ, которую ведет Алексей Пушков. Но после того, как он стал выдавать одну за другой «версии» о Ленине и его родных, мнение мое о передаче и ее ведущем резко изменилось. Чего стоит хотя бы такая «сенсация» этого профессора МГИМО: Александр Ильич Ульянов, старший брат Ленина, был внебрачным сыном Марии Александровны от известного террориста Каракозова, покушавшегося на Александра II! Таким оригинальным образом было объяснено, почему Александр Ульянов стал революционером: дескать, мстил за казненного отца. Как будто, кроме личной мести, не могло быть у него и у других шедших в революцию более масштабных причин и поводов...

– Это уж сенсация так сенсация. Конечно, под удобной оберткой «версии». Семья Ульяновых снимала, мол, в Пензе жилье у учителя словесности В. И. Захарова, у которого квартировал и гимназист Каракозов. Но вот неувязка: следствие по его делу выявило весь круг связей и личных знакомств Каракозова. Ульяновы там не упоминаются. И уехал Каракозов из Пензы в Петербург в 1860 году, а Александр Ульянов родился в марте 1866-го.

Кстати, это не единственная причудливая «версия», объясняющая судьбу брата Ленина стремлением к личной мести. Нынешняя большая и свободная пресса писала, например, о том, что Мария Александровна Ульянова в юности была любовницей то ли самого царя, то ли кого-то из великих князей. Не зря, мол, семья их жила в Петербурге в особняке лейб-медика императора Якова Виллие, а соседом был Иван Дмитриевич Чертков – адъютант великого князя Михаила Павловича, а затем – шталмейстер императорского двора. Так что, готовя покушение на Александра III, Александр Ульянов лишь мстил за честь матери.

Но вот беда – не лезет и вся эта пошлость в реальную хронологию! Мария Александровна вместе с семьей покинула столицу в 1841 году, когда ей исполнилось всего лишь 6 лет.

– *В общем, под видом «версии» снова клевета, снова сплетня. Будет ли когда-нибудь этому конец?*

– Презрение к клеветникам и сплетникам являлось одной из характерных черт Ленина. «Болтать и сплетничать, – писал он, – подогревать темные слухи, ловить и передавать дальше намеки, – о, интеллигентские кумушки такие мастера на это!.. Каждому свое. У каждого общественного слоя свои «манеры жизни», свои привычки, свои склонности. У каждого насекомого свое оружие борьбы: есть насекомые, борющиеся выделением вонючей жидкости». И Владимир Ильич заключает: «Кто видел хоть раз в жизни эту среду сплетничающих интеллигентных кумушек, тот наверное (если он сам не кумушка) сохранит на всю жизнь отвращение к этим мерзостным существам». Словно про нынешнее время говорилось! Теперь этим мерзостным существам – широчайший простор и в книжных издательствах, и в прессе, и на телевидении.

Я полагаю, очень важно не оставлять без должной реакции публикуемые гнусности о Владимире Ильиче Ленине и по возможности сохранить всю эту телепродукцию. Пройдут годы, и по ней наши потомки будут судить не только о создателях подобных фильмов, но и о времени, когда производство такого рода продукции было не только возможно, но и всячески поощряемо.

Можно ли перевернуть великого поэта?

Эта выставка была открыта в Государственном центральном музее современной истории России к 100-летию Александра Твардовского, а названа строками самого поэта: «Я ступал в тот след горячий. Я там был. Я жил тогда...» Пресс-релиз, подготовленный к открытию выставки, сообщил, что «главная идея архивно-выставочного проекта – юбилей как культурная провокация, лучше всего свидетельствующая о состоянии общества и его национальном самосознании». Но, замечу, это еще и свидетельство состояния умов тех, кто осуществлял данный проект, их восприятия личности и творчества Александра Твардовского. Надо сразу сказать, что организаторы выставки (а это прежде всего Федеральное архивное агентство и Российский государственный архив литературы и искусства) проявили хорошую инициативу и проделали значительную работу, представив обширный и во многом интересный материал. Здесь можно было увидеть документы, которые ранее были доступны лишь специалистам.

Оказался забытым

Любая подобная выставка, однако, есть не просто случайное собрание экспонатов, а отбор их, определенная выстроенность, несущая ту или иную тенденцию. Меня насторожило то, что услышал я уже при открытии: оказывается, центральная и чуть ли не решающая фигура при осуществлении проекта – известный литературовед Мариэтта Чудакова. Известна она в первую очередь своим лютым антисоветизмом. Что же получится, думал я, если антисоветчица взялась за толкование крупнейшего советского поэта?

Сама Мариэтта Омаровна своим выступлением мою настороженность подтвердила. Во-первых, основную тему выставки она определила как трагедию русского крестьянства (но разве в этой теме – весь Твардовский?). А во-вторых, поразила следующей мыслью: в историю журналистики Александр Трифонович уже вошел, однако у него, дескать, и свое место в поэзии.

Вот это открытие! Я-то считал, что вопрос о месте Твардовского в русской и мировой поэзии давно решен: классик. Выходит, однако, не для всех.

В самом деле, за последнюю четверть века, а особенно за два постсоветских десятилетия, имя Твардовского как поэта и его стихи не звучали почти совсем. Ни по телевидению, ни по радио. На слуху были и остаются другие имена. В результате «Литературная газета», вышедшая к 100-летию А. Т. Твардовского, вынуждена была сказать: «незаслуженно забытый советский поэт». И это как раз стараниями Чудаковой и ее единомышленников поэтический гений Твардовского оказался задвинутым куда-то на задворки, а если и упоминали о нем, то лишь как о редакторе либерального «Нового мира».

Дочь поэта Валентина Александровна, выступая на открытии выставки, выразила удовлетворение, что в связи со 100-летием прошло все-таки немало мероприятий памяти Твардовского, вышли публикации в газетах и книги – его и о нем. Но опять горькая оговорка: на Театральной площади столицы, где к 65-летию Победы появились портреты деятелей культуры, связанных с той великой войной, портрета Александра Трифоновича не было. Потрясающе! Не было автора «Василия Теркина», чей огромный вклад в Победу трудно переоценить.

– Твардовский, к счастью, остается в учебных программах по литературе, – сказала Валентина Александровна. Но печально добавила: – Пока...

Загоняют в плен

Каким же предстал поэт в концепции Мариэтты Чудаковой? «Крестьянский сын в плену Утопии» – так программно назвала она первый раздел выставки в специально выпущенном к ней буклете. И вот что в самом начале пишет: «Юный Твардовский поверил, что деревенскую темноту, тяжкий, изнурительный крестьянский быт смогут преобразовать – осветить нездешним светом. Ему легко было допустить, что собственнический инстинкт, без которого нет крестьянского двора, не лучшее, что есть на свете, и пойти за иными ценностями».

Иные ценности – не собственнические, а коллективистские. Значит, напрасно за ними пошел? Значит, инстинкт собственника – действительно самое лучшее на свете? Утопия же – это, конечно, социализм и коммунизм, в чем изо всех сил убеждают нынешних россиян. Выходит, по какому-то недоразумению оказался будущий великий поэт в «утопическом плену»? Именно это и внушает нам автор выставочного буклета, твердя о крестьянской наивности и отроческой доверчивости молодого Твардовского: «Как он мог не поверить тогдашним опытным агитаторам?»

Допустим. Но суть-то в том, что эту веру (собственно, и сделавшую его таким поэтом, каким он стал), несмотря на суровые испытания, Твардовский пронес через всю жизнь, оставшись до конца убежденным коммунистом. Что сквозь зубы вынуждена признать и сама Чудакова, хотя ей это очень не нравится и (самое главное!) она не может этого объяснить.

Увы, увы, не дано понять коммуниста и советского человека Твардовского той, которая была среди яростно свергавших Советскую власть в 1991-м и надрывно требовала крови в 1993-м. Излишне ставить здесь риторический вопрос, что мог бы сказать на сей счет Александр Трифонович, но – судит не он ее, а она его. Свысока, с эдакой снисходительностью взрослого к несмышленишу-подростку, каковым для Чудаковой и подобных ей остается великий человек.

Слишком советским. Да и слишком русским. Антисоветизм и русофобия у либералов-западников смыкаются. Вот, например, типичный пассаж, демонстрирующий чудаковские попытки разъяснить нам поэта: «Страх, наслоившийся на столетия рабства, оставшегося в исторической, если не биологической, памяти каждого русского крестьянина, нес в себе, и создавал это, Твардовский».

А какова дальше конкретная аргументация! «В одном из его стихотворений 1936 года – «Песня», посвященном матери, в двух строках и едва ли не в одном эпитете выражены национальный характер, национальное прошлое и подавляемое в настоящем смятение лирического героя-автора:

Бабья песня. Бабье дело.
Тяжелеет серп в руке.
И ребенка плач несмелый
Еле слышен вдалеке.

«Плач несмелый» – нетривиальный эпитет прорывается в укладывающийся в рамки советской печати текст из другого, подлинно поэтического языка...»

Так пишет Чудакова. Хочется воскликнуть: ну и ну! Да неужто «ребенка плач несмелый» не укладывался в рамки советской печати? И неужели в нем, эпитете этом, весь русский национальный характер?

В качестве изобразительного эпиграфа к первому разделу выставки Чудаковой поставлен увеличенный кадр кинохроники 1923 года: в день Рождества сельская молодежь несет

лозунг «Раньше богородица родила Христа, а теперь – комсомольца». Торжествующе рассказывала Мариэтта Омаровна, с каким трудом удалось ей это разыскать. Но ведь куда точнее применительно к Твардовскому и к этому времени был бы иной кадр, из следующего года – 1924-го: прощание с Лениным.

С ним прощалась вся страна, в том числе и крестьяне смоленской деревни Загорье, чему позднее Твардовский посвятит пронзительный стихотворный цикл «Памяти Ленина». О том, как он, тринадцатилетний, после траурного крестьянского схода остался из-за ненастья один ночевать в сельской школе и мысленно сквозь слезы, «с горячей и чистой любовью», давал свою клятву на верность делу ушедшего вождя:

Я буду служить ему честно,
Я всю ему жизнь посвящу,
Хотя и не будет известно
О том никогда Ильичу.

Стихи про «январь незабвенного года» кончаются строкой, весьма значимой для Твардовского: «В тот год я вступил в комсомол». И не случайно, конечно, имя Ленина появилось в первых же его стихотворных опытах. И недаром он всю жизнь настойчиво повторял: «Если бы не Октябрьская революция, меня бы как поэта не было».

Но это Твардовский так считал, а Чудакова считает иначе. Поэтому на выставке ничего этого нет. В документах о первом периоде творческого пути поэта преобладают всяческие нападки на него – вроде статьи «Кулацкий подголосок» в смоленской молодежной газете или найденного в архиве подметного доноса.

Не хочу ничего упрощать. Нападки и доносы были. И то, что отец Твардовского был раскулачен, стало тяжелейшей драмой сына. Однако это испытание не сломало его. Как талантливейший поэт, как автор «Страны Муравии», отстаивавшей идею коллективной крестьянской жизни, именно в эти годы он по-настоящему начинается. А Советское государство в полную меру его поддерживает. Двадцатидевятилетним удостоен высшей награды Родины – ордена Ленина. Через два года становится лауреатом Сталинской премии. За ту же поэму «Страна Муравия».

Разве можно сказать, что это не за талант, а за конъюнктуру? Даже Чудакова прямо такое не говорит. Но вот нет на выставке документов, которые достойно отразили бы особое литературное значение первой поэмы Твардовского и общественную реакцию на нее. А ведь было, было и то и другое...

Твардовский – не Солженицын!

Вторая его поэма стала уже событием не просто выдающимся, а грандиозным. Чтобы вполне оценить, какую роль сыграл «Василий Теркин» во время войны, надо было жить тогда. Лучше всего писали об этом бойцы с фронта – некоторые цитаты из их обращений к поэту на выставке приведены. Хорошо, что представлена картина Юрия Непринцева «Отдых после боя» (из фондов Третьяковской галереи) – своего рода выразительная живописная иллюстрация к поэме Твардовского.

Однако в целом и этот раздел оставляет ощущение неудовлетворенности. Почему он, посвященный войне (даже двум – еще и советско-финляндской, где начинал рождаться образ Теркина), – самый маленький из трех разделов, составивших экспозицию? Дальше выскажу свое соображение – почему. А не хватает тут многого.

Не нашел я даже портрета лучшего и самого любимого Твардовским исполнителя его поэмы – уникального артиста МХАТ Дмитрия Николаевича Орлова, чей неповторимый

голос так часто с волнением слышал по радио в военные и первые послевоенные годы. Можно сказать, вся страна жила с этим голосом подлинно народного артиста, читавшего великое произведение народного поэта! Вот бы и дать возможность посетителям выставки послушать фрагменты того удивительного чтения: ведь фонограмма сохранилась. Нет, на открытии кусочек из «Теркина» прочитал Вениамин Смехов. Ну какое может быть сравнение...

Однако и Смехов из любимовского Театра на Таганке был приглашен не случайно, и также не случайно самым большим разделом на выставке стал... Догадываетесь – какой? Конечно, посвященный «Новому миру».

Тут своя логика. Как там ни крути, а «Теркин» помогал народу (и помог!) отстоять Советскую Родину, столь ненавистную для Чудаковой и ее единомышленников. А либеральный «Новый мир», возглавлявшийся Твардовским, объективно помогал в какой-то мере колебать советские основы. Далеко не все было здесь однозначно и прямолинейно просто, даже в отношениях между главным редактором и его сотрудниками. Но об этом-то документы на выставке, тщательно отобранные, как раз и умалчивают.

Между тем написал же Твардовский в своей рабочей тетради: «Нету у меня в редакции человека, для которого журнал был бы главной заботой, интересом его жизни, которого бы снабжал и советами, и помощью...» Или еще более откровенное и драматическое признание: «... Все эти Данины, Анны Самойловны... вовсе не так уж меня самого любят и принимают, но я им нужен как некая влиятельная фигура, а все их истинные симпатии там – в Пастернаке и Гроссмане...»

Однако именно упомянутая Анна Самойловна (Ася Берзер, как ее называют), руководившая отделом прозы в «Новом мире», занимает в этом разделе выставки место, чуть ли не равное самому Твардовскому. Вплоть до ее посмертных публикаций в эмигрантской «Русской мысли». И если не только фотографии и фонограммы, но даже и упоминания Дмитрия Орлова в предыдущем разделе нет, то ее фото и ее имя – многократно.

И, разумеется, Солженицын. То, что в «Новом мире» Твардовского был опубликован «Один день Ивана Денисовича», а затем несколько солженицынских рассказов, сегодня делают самым главным в личности, биографии, всей многолетней творческой деятельности великого русского советского поэта. Пожалуй, если бы не было в жизни Твардовского такого факта и не был бы он редактором того «Нового мира», про него эта публика теперь вообще не вспоминала бы. Что им народный «Василий Теркин», что трагический «Дом у дороги», эпическая «За далью – даль», что мудрейшие и предельно совестливые стихи последних лет, о которых, кстати, в «новомирском» разделе выставки большого разговора тоже нет. Здесь главенствует ГУЛАГ.

Но разве Твардовский и Солженицын – это одно и то же? Нет, и сто раз нет! Они очень разные, причем не только по масштабу художественного дарования, но и по мировоззрению, по идеологии, по тем целям, которыми руководствовались. Если задачей Солженицына было уничтожение Советской власти, к чему он яростно стремился, не открываясь ни в коей мере Твардовскому («вся сеть моих замыслов, расчетов, ходов была скрыта от него»), то Александр Трифонович этого никогда не хотел. Исправить то, что мешает советскому строю и деформирует его, – другое дело. Ради этого он и «Теркина на том свете» писал, и старался «Новый мир» вести по-своему.

Но вот его высказывание по поводу солженицынского «Ракового корпуса», которое во имя правды очень стоило бы представить посетителям этой выставки: «Даже если бы печатание зависело целиком от одного меня, я бы не напечатал. Там неприятие Советской власти... У вас нет подлинной заботы о народе! Такое впечатление, что вы не хотите, чтобы в колхозах было лучше... У вас нет ничего святого... Ваша озлобленность уже вредит вашему мастерству».

А относительно пьесы Солженицына «Олень и шалашовка» высказался не менее определенно: «Я бы (в случае ее опубликования) написал против нее статью. Даже бы и запретил».

Такая позиция объясняется самой сутью Твардовского, тем, о чем выше я уже сказал и что достаточно точно определено было впоследствии одним из тогдашних авторов «Нового мира» – писателем Георгием Владимовым. Ему, может быть, ближе по взглядам был Солженицын, но все-таки незадолго до смерти он написал следующее: «...Твардовский, всем на удивление, был самый настоящий коммунист, правоверный, кристально чистый, почти идеальный, воспринявший в этом учении его христианское начало и веривший в конечное наступление царства справедливости и братства... Мог прийти в отдел прозы (я тому свидетель) и рассказать восторженно о своем впечатлении от Юрия Гагарина, мог заплакать, ознакомясь с документами о коррупции и гниении в партийных инстанциях (ему эти секретные документы доставлялись офицером-посыльным в засургученном пакете). Интеллигентам казалось, что если он не притворяется, то пребывает в оглуляющем заблуждении...»

К сожалению, взгляд подобных «интеллигентов» ощутимо сказался при устройении этой важной по замыслу выставки. Налицо всяческие попытки переиначить Твардовского, перевернуть его на манер тех «перевертышей», каких немало узнали мы за последние годы. Только он – не таков!

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие
 не пришли с войны,
В том, что они —
 кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же
 речь,
Что я их мог, но не сумел
 сберечь, —
Речь не о том, но все же,
 все же, все же...

Эти строки написал великий поэт и совестливейший человек.

Фальсификат в «Подстрочнике»

На церемонии вручения телевизионной премии ТЭФИ зачитали неожиданное письмо режиссера Олега Дормана, в котором он отказывался принять награду, присужденную за фильм «Подстрочник». Дело в том, что ТЭФИ – награда Академии российского телевидения, а среди ее членов, как заявил Дорман, «люди, из-за которых наш фильм одиннадцать лет не мог попасть к зрителям». По его характеристике, это «люди, которые презируют публику и которые сделали телевидение главным фактором нравственной и общественной катастрофы, происшедшей за десять последних лет».

«У них нет права...»

Я-то считаю, что нравственная катастрофа происходит у нас не десять, а минимум двадцать лет. Но можно ли в принципе не согласиться с данной выше характеристикой заправил нынешнего телевидения, действительно сделавших его одним из главных факторов переживаемой обществом катастрофы? Для полноты впечатления продолжу цитату из письма О. Дормана, поскольку здесь, я думаю, он выразил мнение очень и очень многих:

«Кто-то сеет и печет для нас хлеб, кто-то проводит жизнь в шахте, в море, или на военной службе, или в торговом ларьке.

На людях образованных, думающих лежит ответственность перед теми, кто не столь образован и не посвятил себя духовной деятельности.

Получив в руки величайшую власть, какой, увы, обладает у нас телевидение, его руководители, редакторы, продюсеры, журналисты не смеют делать зрителей хуже. Они не имеют права развращать, превращать нас в сброд, в злую, алчную, пошлую толпу».

Ну разве не так? Разве не об этом «Правда» пишет (да что там – кричит!) из номера в номер уже много лет? Но вот в самодовольном и высокомерном телевизионном сообществе, да еще среди его «самых-самых», собравшихся на сей раз в изысканном зале петербургского Михайловского театра, такое прозвучало едва ли не впервые. Оттого, как отмечала пресса, и погрузнели телеакадемики, про которых Дорман заключил: «У них нет права давать награду «Подстрочнику». Успех Лилианны Зиновьевны Лунгиной им не принадлежит».

Кто лучше – Познер или Швыдкой?

Да, случившееся на большом телевизионном торжестве произвело там впечатление шока или уж по меньшей мере скандала. Эдакий скандал в благородном семействе. Однако нам какое дело до этого? Мало ли разборок происходит между ними.

Вот на том же вечере сенсациями стало, например, что бывший президент телеакадемии Познер не выиграл в номинации «Лучший интервьюер» (всегда «выигрывал»), а нашу-мевшей «Школе» не присудили приз как лучшему сериалу, хотя теперешний президент телеакадемии Швыдкой (!) накануне всю эту «Школу» нахваливал. Вы беретесь сказать, кто «лучше» и «правильнее» – Познер или Швыдкой?

Возникает вопрос и относительно Дормана с «Подстрочником». Те, кто этого фильма не видел, а прочитал сейчас выдержки из заявления его режиссера, подумают: ну, наверное, эта работа резко противостоит всему господствующему на телеэкране. Правда, может смутить, что в своем заявлении Дорман благодарит за продвижение «Подстрочника» в эфир не

кого-нибудь, а известного Леонида Парфенова. Выходит, Парфенов тоже «противостоит»? Но в чем? Давайте разберемся.

Сомнение было лишь одно: многие ли станут смотреть?

Сперва, впрочем, для не видевших «Подстрочник» надо хотя бы коротко сказать, что же он собой представляет. А это монолог перед телекамерой одного человека – литературной переводчицы Лилианны Лунгиной, который Олег Дорман с помощью знаменитого оператора Вадима Юсова не только на протяжении недели снял на пленку, но и потом режиссерски, то есть художественно, долгое время «обрабатывал». Однако при всех дополнительных съемках и композиционном выстраивании, при всем изобретательном визуальном и звуковом обрамлении в центре остается семидесятисемилетняя женщина, которая неторопливо ведет с экрана свой многочасовой рассказ.

Дорман не пояснил конкретно причин задержки с выходом этого продолжительного, рассчитанного на целый ряд вечеров фильма. Между тем из последовавших за показом хвалебных обсуждений, которых множество прошло на телевидении и в прессе, становится ясно, что причина фактически была лишь одна: прогноз пресловутого рейтинга. То бишь сомнение, будут ли смотреть «ширнамассы», как изящно выразился Парфенов.

Вот он в этом внутрицеховом споре был категорически «за». Что ж, «Подстрочник» показали, причем с большой рекламой и весьма широко. Сначала на канале «Культура», где каждый вечер шел он почти месяц, затем в несколько сокращенном виде на канале «Россия-1». Вышла книга – весь телерассказ, переведенный на бумажные страницы и богато иллюстрированный.

Оценки в адрес Лунгиной и Дормана? Самые что ни на есть наивысшие!

Телеканал «Россия»: «История двадцатого века глазами одного человека. Фильм-воспоминание, фильм-откровение, фильм-эпоха».

Кинорежиссер Эльдар Рязанов: «Личность обаятельной рассказчицы, обладающей зоркой наблюдательностью, великолепной памятью, потрясающим даром разговорного литературного языка и благородством гражданских и человеческих позиций, вызывает самое горячее чувство благодарности и преклонения».

Писатель Борис Акунин: «История жизни Лилианны Лунгиной, рассказанная ею самой, – это, пожалуй, самое сильное мое художественное впечатление за все последние годы».

Поток подобных восторгов можно продолжать и продолжать. Да ведь и почетная премия телеакадемии не случайно присуждена. Что же так возмутился Дорман, отказавшийся ее получать? Право, видится мне в его демарше влияние каких-то сугубо личных отношений или даже, может быть, желание таким экстравагантным образом привлечь к себе и к своей работе дополнительное, еще большее внимание.

Но прямо скажу: всему тому, что господствует сегодня на телевидении, эта работа по существу никак не противостоит. Наоборот, она вполне в русле.

Ненависть к «этой стране»

Округленно говоря, весь нынешний «телепродукт» можно поделить на две части – развлекательную и серьезную. Первая, конечно, преобладает, буквально захлестывая экран; вторая же («Подстрочник» к ней относится) иногда должна отстаивать свое место в программах. Дескать, тяжеловато для массового восприятия. Однако, если рассматривать не форму, а содержание, то очевидно: имеется желанное начальству условие, равно важное для передач

одного и другого блока. Это условие – антисоветизм. И когда я утверждаю, что «Подстрочник» вполне в русле, имею в виду именно соответствие этой установке.

Безусловно, рассказчица здесь – человек незаурядный, талантливый. Есть основания восхищаться ее непосредственностью и раскованностью, способностью говорить так, что кажется, мысли вслух рождаются в момент произнесения. Все это по-своему держит слушателя. Но что он в конце концов получает?

А получает он урок ненависти к советской жизни, да и к русской – тоже, поскольку зачастую это нераздельно.

Вроде бы само слово «ненависть» никак не подходит к этой интеллигентной пожилой женщине, о которой мы знаем, что она перевела для нас такие добрые книги, как «Малыш и Карлсон», «Пеппи Длинныйчулок». Вроде бы и манера общения у нее такая мягкая. Но именно потому-то столь сильно и поразило меня по контрасту, до какой степени неприемлемой, нетерпимой, воистину ненавистной, оказывается, может быть для кого-то жизнь в «этой стране».

Жизнь, как у всех?

От нас не зависит, где судьба определит нам родиться. Она, Лилианна Лунгина, родилась в Смоленске, куда ее отец в 1920-м был направлен заведующим горно. «...Так как папа, – поясняет она, – успел вступить в какую-то еврейскую рабочую партию, не Бунд, а другую, которая в семнадцатом году, когда коммунисты пришли к власти, слилась с компартией, то он оказался членом партии большевиков».

Это определило и дальнейшее. «Так как папа, – рассказывает, – был из немногих большевиков с высшим образованием и каким-то образом был знаком с Луначарским, тот, когда мне было полгода, вызвал его в Москву, и папа стал в Комиссариате народного просвещения у Луначарского одним из его замов».

Тут же возникает тема быта – квартирная тема, которой далее в рассказе будет уделяться особое внимание: сколько у кого комнат, какая мебель и т. д. Сейчас они поселились в доме на Сретенском бульваре, где большие роскошные квартиры богачей «превратили в ужасные коммуналки для сотрудников Наркомпроса»: «И вот, значит, пятнадцать-двадцать комнат, при этом одна ванная, одна уборная, одна кухня...»

Как знаком этот стон по сотням телепередач, фильмов и мемуаров, появившихся со времен «перестройки»! Проклятые коммуналки... Ну почему сразу не дали каждому такую большую роскошную квартиру целиком? Надо было дать, слышится и здесь в подтексте.

Однако у маленькой Лили – счастливые отдушины: «Когда мне было два года, мама возила меня в Берлин, в немецкий пансион, где мы встретились с бабушкой... В конце двадцать четвертого года мы с мамой ездили к бабушке в Палестину... Дедушка к тому времени уже умер, и бабушка жила со своей сестрой тетей Анткой в маленькой, как считалось, но для меня большой шестикомнатной вилле, которая называлась «Вилла Лили». В честь внучки. Там было шесть пальм банановых и двенадцать апельсиновых деревьев – сад...»

Затем, в 1925-м, «папа как дипломированный инженер, свободно говорящий по-немецки, должен был покинуть свой пост в Комиссариате народного просвещения и поехать в Берлин – заместителем Крестинского, который был тогда полпредом, а потом замминистра иностранных дел».

Давайте послушаем о ее впечатлениях того времени: «Германия в моей памяти слилась в какой-то один большой детский день... За время жизни в Германии я превратилась в немецкую девочку... Каждое лето мы ездили куда-нибудь. В Зальцбург два раза, в Швейцарию, в Париж – первый раз в Париже была в семь лет. Помню, как из Парижа папа почему-то поехал в Ниццу, а мы с мамой – в Биарриц, на южный берег... И потом помню, как мы пошли

на вокзал и приехал папа к нам в Биарриц, какая это была радость. Море, скалы, прекрасная, беззаботная радостная жизнь. Это была жизнь, как у всех. Все куда-то уезжали летом, все потом рассказывали друг другу, где они были...»

Как не хотелось в Россию!

Не правда ли, сплошной праздник? С упоением она повествует: «Всегда мы ездили на каникулы или в Швейцарию, или во Францию. Куда-нибудь». Но вдруг – «папа решил в свой отпуск поехать в Россию, посмотреть, как работают машины, которые он покупал».

В Россию, словно из рая в ад. Именно так: «Мама его уговаривала не ехать. Она как-то боялась. Мама вообще боялась советской России...» Боялась той самой коммуналки?

Но папе в Москве сказали, что «отныне он будет работать в России». Вот ужас-то! «Мама сердилась на папу, что он поехал в Москву...» И сама туда не поехала. Осталась в Берлине. Тем более рядом появился Людвиг – «красивый молодой журналист, очаровательный парень».

Как и у мамы, культ Лилианны Лунгиной с тех самых ранних детских лет – жизнь частная, личная, отстраняющаяся от жизни общественной и совершенно не желающая считаться с ней. Однако обстоятельства заставляют считаться, причем заставляют подчас весьма жестко. Можно сказать, сама история вторгается в частную жизнь.

«Шел тридцатый год, – рассказывает Лилианна Зиновьевна. – На улицах Берлина начались манифестации – коммунистические и гитлеровские... Очень часто кончалось потасовками... Улица перестала быть спокойной, там все время что-то происходило. И, в общем, мама понимала, что оставаться в Берлине невозможно».

Едут к бабушке в Палестину, но... маме «было скучно в Тель-Авиве и совершенно нечего делать». Едут в Париж. Там живет Ревекка, мамина гимназическая подруга, которая вышла замуж за сына очень знаменитого в России в те годы профессора психиатрии Минора. В Париже она работала в советском посольстве, «но когда в тридцатом году Сталин подписал декрет, что тот, кто не вернется, получает кличку «невозвращенец» и теряет советское гражданство, Ревекка не вернулась...»

Я так подробно пересказываю эти детские воспоминания Лилианны Лунгиной, чтобы понятнее стало формирование психологии людей такого рода. Тяга к праздничной, комфортной, «красивой» жизни – превыше всего! Мама попыталась создать кукольный театр, и вот «зимой играли в Париже, а летом ездили к морю, в Сен-Жан-де-Люз, городок возле Биаррица. Мама снимала зал, а кроме того, там были виллы богатых людей, и мы ездили со спектаклями по этим виллам... Сен-Жан-де-Люз – знаменитый, престижный курорт».

А между тем папа из Советской России каждый день (!) шлет дочери открытки. «Без пропусков, что бы ни случилось». Четыре года по триста шестьдесят пять открыток! «Они чаще всего были с видами строящихся заводов, фабрик, электростанций. Папа описывал свои поездки на комбинаты, на шахты, думая, вероятно, что это будет очень интересно тринадцатилетней парижской девочке».

Наивный папа... Ну да, в то время, когда она по-русски и читать-то почти не могла, когда вся эта ее парижская жизнь была столь невероятно далека от тех строящихся заводов и электростанций, только так и могла она папины открытки воспринимать. Но ведь рассказ Лунгиной записывался в 1997 году. За спиной большая жизнь, и что-то с учетом ее, казалось бы, уже надо было переосмысливать. Теперь Лилианне Зиновьевне вроде бы должно было открыться значение советских строек 30-х годов, их роль в отпоре той опасности, которая росла вместе с гитлеровскими манифестациями и от которой мама, несмотря на всю свою неприязнь к России, в 1933-м принимает решение возвратиться в Москву.

Нет, все рассказывается совершенно инфантильно – с уровня понимания тринадцатилетней девочки. И даже про надвигавшуюся опасность ни слова. Дескать, «маму гнала любовь, тоска по отцу».

Не было тоски – но вдруг появилась...

К вопросу об искренности

Хочу здесь оговориться об искренности Лунгиной, а значит, и о ее правдивости. Это первое, что вызывает восторг у всех восхваляющих «Подстрочник». Однако позволю себе очень сильно усомниться.

Вот она умолчала о самом главном, что несомненно и повлекло маму в нелюбимую Советскую Россию после прихода Гитлера к власти. Ведь все понимали, что ждет евреев. А дальше? Война разразилась. «Вскоре начались бомбежки, воздушные тревоги в Москве, и мама моя почему-то безумно испугалась. Страшно, невероятно испугалась. Бомбежек, вообще войны».

Почему-то? А про самую любимую свою душевную подругу – немецко-еврейскую девочку Урсулу Хоос, вся семья которой в Берлине «сгинула, когда нацисты пришли к власти», Лилианна Зиновьевна почему-то здесь не вспоминает. Просто, дескать, решила тогда, что надо подумать о маме, что надо маму увезти (папа умер в 1938-м).

«Я пошла в «Московский комсомолец», благо стала их автором, и говорю Кронгаузу: так и так, мне нужно увезти мать. Он сказал: хорошо, можешь уехать нашим эшелон. И мне это организовал. Они ехали в Казань».

Весь многочасовой рассказ Лунгиной прокомментировать невозможно, хотя очень многое надо бы комментировать. Мною опущен большой раздел – от возвращения в СССР до войны. А главная его тема, которая пройдет до самого конца «Подстрочника», – ужасная советская жизнь. В противоположность прекрасной западной.

Вот дорога с Запада: «Я помню этот поезд, сперва такой веселый – начало мая, еще занимались горными лыжами, – лыжники в спортивных костюмах, веселые, загорелые. И по мере того как мы продвигались ближе к Востоку, он становился все более унылым, уже никаких лыжников, какие-то понурые люди...»

Вот первые впечатления от нового, недостроенного дома в Москве: «Лестниц еще не было, а о лифте и говорить нечего – были настилы... Три комнаты, каждый имел свою комнату. Моя, маленькая, выходила окнами во двор, поэтому была очень тихая, и у родителей по большой комнате. Мне, конечно, это показалось немыслимо убогим; мебели почти никакой, самое необходимое – диван, письменный маленький столик у меня, у папы – большой письменный стол и тоже диван, а у мамы еще обеденный стол, четыре стула и какой-то шкаф. Вот мебель этой роскошной квартиры. Но по разговору я поняла, что это здесь считается пределом роскоши, что все завидуют, что это невероятная удача...»

Да уж простите, простите, Лилианна Зиновьевна, что не обеспечила вам эта отвратительная страна уровень роскоши, коего вы желали и коего, наверное, были достойны. Что подделаешь: напрягая все силы, готовилась страна к страшной войне, чтобы спасти в числе многих вашу маму и вас.

Впрочем, по прошествии времени, когда все это уже далеко позади, про такую мелочь можно и не вспоминать...

Своеобразная память

Да, да, да, что когда-то было буквально вопросом жизни и смерти, спустя годы, оказывается, может совсем или почти совсем уйти из памяти. Вот поклонники «Подстрочника»

восхищаются памятью его героини. А я все-таки был поражен: как же это, в течение всего продолжительного рассказа об эвакуации, которую она с мамой пережила в Набережных Челнах, ни разу не вспомнить про судьбу евреев на оккупированных фашистами землях! Неужели и тогда не думала? Мол, мы здесь живем, а их убивают...

Наверное, думала. Однако позднее, в иное время, ей больше думалось уже о другом, и об этом другом она с волнением и проникновенным сочувствием к себе рассказывала перед телекамерой. Как тяжело пришлось в этих Набережных Челнах, которые были тогда не городом, а всего лишь райцентром, тяжело и с квартирой, и с повседневным бытом, и с работой. Например, ездить по деревням от районной газеты, где она стала ответственным секретарем, да еще и лошадь самой запрягать научиться.

Но кому было тогда легко? Она приезжает в колхоз, и ей рассказывают, «что хлеб не убран, что убрать его фактически невозможно, потому что все парни, естественно, взяты в армию, а девчонки мобилизованы на торфяные разработки, что работают одни старухи кое-как, что не хватает кормов...» Она так и хочет написать в газету, а редактор ее озадачивает: «Нам на совещании прямо сказали: только положительное». Почему во время войны в газетах «всегда должен был быть оптимистический тон», она не поняла не только тогда, в 21 год, но и по прошествии более полувека.

Второе тогдашнее ее открытие. Тот же редактор, «вхожий во всякие районного уровня тайные совещания», ей якобы объяснил про «разверстку» – «план на район, сколько человек заключенных надо поставить каждый месяц». И она обращается к телезрителям в 1997 году, а теперь – в 2010-м: «Мне хочется об этом сказать. Чтобы люди, которые забыли, вспомнили, а кто не знает, молодые, узнали: был план на аресты. По районам. Вне всякой зависимости от того, кто что совершил... Поэтому они спокойно брали то количество людей, которое им надо было, и каждый месяц местный КГБ (НКВД) успешно выполнял свой план».

Вот так она рассказывает. Якобы со слов редактора, который к ней очень хорошо относился и всячески ей помогал, но, в конце концов, «его как человека, неугодного местному начальству, взяли в армию, несмотря на бронь, и отправили на фронт».

Поди проверь. И молодые могут поверить, что во время войны действительно была такая ежемесячная «разверстка» на аресты по деревням. Хотя, по-моему, не только для меня, жившего тогда как раз в деревне, такое должно звучать полным абсурдом. Кого арестовывали-то каждый месяц, если, по ее же словам, «все парни, естественно, взяты в армию, а девчонки мобилизованы на торфяные разработки»? Старух? И старух хватило, чтобы всю войну арестовывать?

Выдумки без срока давности

Подобного абсурда в рассказе Лунгиной много. И он звучит в эфире. Оправдание поддается простое: она же это слышала...

А вот про то, что происходило на фронте, «мы, конечно, не знали толком», сообщает она. «Не знали, что под Сталинградом идет величайшее, беспримерное по жестокости, решающее сражение». Наверное, только она и ее мама во всей стране про это не знали.

Зато вскоре, вернувшись в Москву, узнает, «что в армии появился антисемитизм». Опять «услышит».

Антисемитизм и аресты – вот о чем она говорит больше всего. Создается впечатление, будто вся советская жизнь, буквально вся, – сплошные аресты и антисемитизм.

Например, возвращаются с мамой из Набережных Челнов в столицу, а у них теперь лишь одна комната из трех. И как несправедливо поделены те две! «В другой большой комнате жила второй секретарь райкома нашего района – партийная дама очень строгого облика, в синих костюмах, галстук, белых блузках; распределитель, конечно, прехороший.

А в маленькой комнате, где когда-то собирались ребята по пятым дням, жила ленинградка, эвакуированная во время блокады, милая еврейская женщина, она работала инженером в Ленинграде на ламповом заводе».

Видите, кому дают большую комнату, а кому – маленькую...

Но это еще что! В рассказе возникает, занимая целый вечер, сюжет о якобы готовившейся Сталиным после войны депортации всех евреев в Сибирь. То, что это выдумка, давно установлено серьезными исследователями. Видимо, такая выдумка специально потребовалась в то время, когда только что было создано государство Израиль, чтобы побуждать евреев ехать туда.

Словом, теперь неопровержимо доказано: никаких планов «депортации» в реальности не существовало. Однако Лилиянна Зиновьевна – «слышала»! Был знакомый работник ансамбля МВД, который повез артистическую бригаду на гастроли «в Восточную Сибирь, в большую глушь». Так вот, «в какой-то момент летчик ему сказал: «Подойдите-ка сюда. – Тогда маленькие самолеты летали. – Посмотрите внизу, видите?» И показал такие большие, в виде букв поставленные бараки. Каждые восемь-десять метров гряда бараков в виде буквы «Т». Он говорит: «А это ведь для вас построено». Додик Левит, как вы понимаете, еврей был. «Что значит «для нас»?» – «А это вас туда вывозить будут. Есть уже постановление правительства».

Не было такого постановления! Но разве все телезрители об этом знают? Они теперь будут знать, что было...

Чего не видят и не слышат молодые

Какие же выводы? Лилиянна Лунгина такая, как была. Рассказала то, что считала нужным рассказать. И, что касается ее личной жизни, это знала только она лично.

Но ведь ее повествование представлено как рассказ об эпохе! О советской, разумеется. Так если в этом рассказе постоянно допускается фальсификат – из-за незнания, субъективности взгляда либо по сознательной подтасовке, зачем же миллионам зрителей выдавать этот фальсификат за истину? Риторический вопрос, конечно. По-моему, ясно – зачем.

Речь не об одном «Подстрочнике». Он стал своего рода явлением благодаря необычной масштабности. А вообще-то всевозможных воспоминаний на телевидении немало. И абсолютное большинство – с таким же, то есть антисоветским, содержанием.

А есть же выдающиеся люди советского времени (к счастью, еще не все ушли, но уходят, уходят...) – замечательные ученые и конструкторы, военные и хозяйственные деятели, художники и писатели, которые видят то время совсем иначе! Но вот мы-то их не видим и не слышим. Не видят и не слышат молодые, у которых складывается совершенно превратное представление о той, в полном смысле слова, великой, пусть в чем-то и трагической, эпохе.

О ней, как хлеб, нужна правда. А не фальсификат.

Герои или изгои?

Начну с письма в «Правду» от Виктора Яковлевича Иовлева из станицы Ленинградской Краснодарского края. Что заставило его, участника Великой Отечественной войны, защитника Москвы в 1941-м и участника парада в Москве в честь 55-летия Победы (так сам он о себе написал), обратиться к газете, которую выписывает, читает и которой безусловно доверяет? Заставила большая обида.

Случай на вокзале

Я допускаю, что кому-то случай, происшедший с ветераном, может показаться и не столь уж важным. Мол, такое ли происходит сегодня вокруг, чтобы придавать значение этому факту, обижаться да еще выносить свою обиду в газету. Но тем более считаю необходимым донести состояние человека до всех, кто в нынешней атмосфере торжествующего тотального бездушия еще способен его обиду прочувствовать и понять.

А случилось с Виктором Яковлевичем следующее. Оказавшись в Москве на Ленинградском вокзале и умаявшись в ожидании поезда, он зашел в зал, где, как пишет, «были и буфет, и мягкие стулья, чтобы отдохнуть». Уточняет, что вдвоем зашли – «с полковником, оба защитники Москвы». И вот тут же подскочила к ним девушка, сделала категорически заграждающий жест и бесцеремонно грубо (выражение Виктора Яковлевича) заявила:

– Здесь вам нельзя. Это бизнес-зал.

Дальше приведу цитату из письма дословно, дабы непосредственное дошла до каждого острота ветеранской реакции: «Я сказал: «Значит, это для воров и спекулянтов, а нам нельзя? Как в Америке известных времен: «Вход неграм и собакам воспрещается». Больше распространяться не стал. О чем говорить, когда все ясно. И скандалить мы не стали, понимая, что бесполезно. Однако успели заметить: там сидели несколько этих так называемых бизнесменов и жрали, пили, громко гоготали. А мы повернулись и ушли».

Ветеран погорячился?

Ну да, кто-нибудь опять-таки скажет: старики возмутились, но ведь в самом деле не положено каждому в специальный зал заходить. Дескать, если бизнес-зал, то для бизнесменов. И чего это всех их обзывать ворами и спекулянтами? Разве сплошь бизнесмены таковы и нет среди них честных людей?

Проще всего ответить, что погорячился ветеран. А попробуем-ка уразуметь истоки этой его горячности, в которой явственно послышалось мне разбуженное классовое чувство. Оно и дальше звучит в письме, которое буду цитировать, не убирая и не смягчая резкости автора, местами крайней:

«Все отобрали у нас эти сволочи Чубайсы, Абрамовичи, Дерипаски, Грефы, Вексельберги, Потанины, Фридманы, Прохоровы, Керимовы и т. д. У всех этих воров необъятные миллиарды – и под прикрытием своей власти продолжают воровать.

Вот я хочу спросить: зачем мы воевали? В конечном счете – для кого? Сейчас берут в солдаты из бедных семей, чтобы их защищать. А нас, если выразим недовольство чем-то, милиция дубинками разгоняет. Кто же ветеранов защитит, за нас заступится? Жаль, что мы состарились. Жаль, что уже не в состоянии как следует постоять за себя. Так что теперь любой, кто захочет, может нас как угодно оскорблять и унижать. Обобрали, да еще издеваются и глумятся над нами, с презрением и брезгливостью смотрят – как на быдло!»

А вы гляньте его глазами

Это он снова горячится, Виктор Яковлевич Иовлев? Может, безосновательно? А вы гляньте на окружающую жизнь его глазами, вспомните прошлое его юношескими, красноармейскими, советскими воспоминаниями – и сопоставьте.

Военные воспоминания у него в письме, прямо скажу, не сахарные: «Осенью в траншеях по колено в воде, зимой – в лютые морозы по колено в снегу, месяцами не снимая одежды и не спавши по-людски... Так было под Калинином, Яхромой, под Москвой...»

Но на это он не жалуется. Просто хочет, как выразился, «чтобы знали банкир Греф и ему подобные». А не жалуется потому, что в той жизни хотя и было невероятно трудно, однако не было ощущения чудовищной несправедливости, утвердившейся в жизни нынешней. Не делились в тех траншеях на богатых и бедных. Не оставались у бойцов за спиной самозванные господа, наживающиеся чужим трудом. И бойцы знали: именно такую, справедливую Родину и такую Москву они защищают.

«Великая общая радость была, когда в декабре 1941-го мы перешли в наступление! Не чувствовался даже самый сильный мороз. И так – от Москвы до Ржева. Здесь, под Ржевом, наш 11-й Краснознаменный мотополк стал 2-м гвардейским, а ведь просто так в гвардию не зачисляли. А после Ржева стал наш полк – 2-й гвардейский Ярцевский, когда пошли мы уже в Белоруссию...»

Теперь про Ржев как «неизвестную битву маршала Жукова» сочинили телефильм на канале НТВ, который больно резанул по сердцу многих воевавших там фронтовиков. Одно-сторонней «правдой», перемешанной с хитрой ложью.

«Если о подвигах под Ржевом рассказывать, то не хватит никакой книги и никакого кино, – написал Виктор Яковлевич. – Вот же не показали наш десант с бронепоезда прямо на вражеские окопы. Открыли вагоны железные, и мы прыгали на головы немцев. Мы за Родину убежденно шли на смерть, хотя еще и не жили: после школы, неоперившиеся пацаны, мне едва исполнилось 18 лет...»

Меня на фронте приняли в комсомол, и я понимал, что комсомолец должен подавать пример. Недавно в «Правде» вы напомнили замечательное стихотворение «Коммунисты, вперед!». Да, именно так – коммунисты и вместе с ними комсомольцы. Вот и у меня такое бывало. Командир построит в лесу роту или взвод, и следует приказ: «Коммунисты и комсомольцы, два шага вперед!» Коммунисты были у нас в большинстве пожилые, некоторые и в Гражданской участвовали, а комсомольцы, конечно, молодежь. Из нас, добровольцев, выберут – и в разведку, самую опасную и трудную...»

С презрением к «воздуху бедности»

Подробно излагать дальше взволнованное письмо Виктора Яковлевича я не буду. Он вспоминает и Победу, и первые послевоенные годы, которые тоже выдались весьма нелегкими. «А потом, – замечает, – жизнь наладилась. Я от Москвы работал на передвижных электростанциях по всему СССР. Однако наступил 1991 год – и СССР не стало!»

Словно вскрик пронзительной боли слышится мне в этих словах ветерана. Он и его товарищи воевали за Советский Союз, который хотел уничтожить Гитлер со своими ордами. Но вот полвека спустя уничтожили орды иные...

Ветераны великой войны живут теперь в другой стране. При другом строе. И хотя официально им, которых осталось уже совсем немного, с трибун говорят хвалебные фразы, чувство чужеродности этой «новой жизни» для многих из них непреодолимо.

По большому счету, главной обидой для них стала сама эта жизнь под другим, не победным, флагом. Ведь оскорбления, ежедневно раздающиеся при этом в адрес Советской страны, бьют по их сердцам, по их памяти, по их достоинству. А бывают и обиды «персональные», как у Виктора Яковлевича Йовлева.

Напомню, что сказал он в итоге пространного письма, излив свою душу: «Обобрали, да еще издеваются и глумятся над нами, с презрением и брезгливостью смотрят – как на быдло!» Почти то же услышалось мне на днях в письме Клавдии Васильевны Сукачевой, ветерана легендарной воинской части 9903, бойцами которой были Зоя Космодемьянская и Вера Волошина.

«Обратите внимание, – взывает Клавдия Васильевна, – как, например, пишет о нас, ветеранах, правительственная «Российская газета». Возьмите хотя бы номер от 22 декабря 2009 года, там заметка некоей Анны Закатновой «Пиар на Сталине». Прочитайте, как ветераны в ней изображены, с каким оскорбительно брезгливым, просто мерзким высокомерием. Возмутительно!...»

Я прочитал. Что сказать? В самом деле, возмутительно и мерзко.

Журналистка (не знаю возраста ее, но, наверное, достаточно молодая) взялась описать торжественный вечер в честь 130-летия со дня рождения И. В. Сталина, который организовала КПРФ. Отношение теперешней власти и, стало быть, правительственной газеты к КПРФ и Сталину хорошо известно, так что ернически издевательский тон заметки по их адресу следовало воспринимать как нечто само собой разумеющееся.

Но КПРФ – не абстракция, это люди, причем в рядах коммунистов и их сторонников – ветераны Великой Отечественной. Конечно, на вечер, посвященный своему Верховному Главнокомандующему, они тоже пришли. А поскольку старики («маргиналы», «совки», «красно-коричневые») давно уже стали излюбленной мишенью так называемой демократической прессы, журналистка Анна Закатнова и в заметке с этого вечера решила прибегнуть к апробированному методу карикатуры. Вот для примера несколько характерных строк:

«– Эх, люди-то надели все свои награды, а я забыла, – почти в голос причитала старушка, распространяющая тот особый запах бедности, которым медленно пропитывался воздух в киноконцертном зале.

Толпа, в которой изредка мелькали и молодые лица, пришла действительно принаряженная, мужчины в красных галстуках, женщины, по советской традиции, «белый верх – черный низ», и все с таким напряженным, жадным ожиданием смотрели на сцену, как будто оттуда им должны были рассказать самое главное в жизни...»

Так это увиделось журналистке «Российской газеты». На том вечере я был и могу свидетельствовать: не замечалось сплошь красных галстуков на мужчинах и одинаково «белого верха – черного низа» у женщин. Не ощущалось и «особого запаха бедности», который, по утверждению брезгливой представительницы правительственного издания, распространяла несчастная «старушка» и которым якобы «пропитывался воздух в киноконцертном зале».

Воздух был прекрасный! Но, если даже предположить, что мог здесь присутствовать некий запах бедности, на который особо остер утонченный нюх преуспевающих коллег из буржуазных газет (ведь люди в зале собрались, понятно, небогатые), такой ли должна быть реакция тех, кто представляет власть?

Истинное уважение к поколению победителей невозможно без уважения к советскому прошлому.

Не она ли, не эта ли власть, ввергла в бедность миллионы, в том числе ветеранов Великой Отечественной? В свое время президент Ельцин клялся, что ляжет на рельсы, если допустит снижение уровня жизни народа. Уровень этот не просто снизился, но упал, можно сказать, в пропасть. Однако Ельцин на рельсы не лег. А лег в знак протеста осенью 1992-го старый солдат Тимерян Зинатов. Приехал проститься в Брестскую крепость, которую защи-

щал в 1941-м, и потом бросился здесь под поезд, оставив записку с проклятиями ельцинско-гайдаровскому правительству за ту политику, которую оно повело.

Время минуло. Ельцин с почестями похоронен в центре главного кладбища страны. И Гайдару недавно пропели осанну в связи с его кончиной. Как же, все возможное сделал для обогащения тех, кто правит в стране сегодня! А сменивший Ельцина президент грозился вынуть что-то из желудков богатых и раздать бедным, но – так ничего и не раздал. А сменивший его президент на словах тоже все изощряется в признательности старшему поколению – поколению победителей.

Однако людей этого поколения вместе с их святынями по-прежнему унижают и оскорбляют. В самом деле, возможно ли истинное, не показное уважение к ветеранам при отсутствии уважения к советскому прошлому нашей страны? Я думаю, нет. А между тем против советского прошлого, с которым жизнь и подвиг героев Великой Отечественной неразрывно связаны, вот уже более двадцати лет ведется война. Война на уничтожение. Длющаяся в пять с лишним раз дольше, чем продолжалась та, Отечественная. И как должны чувствовать себя при этом ветераны?

Их оскорбляют зачастую даже незаметно для себя, словно бы мимоходом. Высокомерием хозяев жизни к «людям вчерашнего дня». С их «наивной» верой в необходимость справедливости. С их преданностью советскому образу жизни и советской культуре. С их Верховным Главнокомандующим, которого предписано считать кровавым маньяком и безумным тираном, а не организатором Великой Победы.

Советской Победы – давайте еще раз подчеркнем. Моя коллега из «Российской газеты», может быть, и не знает, что Зоя Космодемьянская умирала на фашистской виселице с именем Сталина, которого эта журналистка вместе с такими же, как она, теперь всячески поносит. Вот у таких когда-то язык повернулся написать: «дурочка Зоя». Такие, понося коммунистов или умалчивая об их роли в Великой Отечественной, хотят забыть, что более трех миллионов соотечественников с партийными билетами ВКП(б) погибли за Победу.

И, оскорбляя безымянную «старушку», оскорбляя члена ВКП(б) – КПСС – КПРФ Клавдию Сукачеву – однополчанку Зою Космодемьянской, оскорбляя защитника Москвы Виктора Иовлева, новоявленные хозяева России и их прислужники оскорбляют саму Победу, которую в то же время абсолютно лицемерно и вполне абстрактно пытаются прославлять.

Несостоятельный праздник

Почему нынешняя власть замолчала свое двадцатилетие

В августе 1991 года начался новый этап нашей истории. Настолько новый, что, поздравляя народ с наступавшим 2011 (юбилейным!) годом, президент даже заявил: у нас молодая страна, которой всего 20 лет. Правда, потом кто-то подсказал, что это глупость. Пришлось косвенно поправляться, и к лету – очевидно, другие спичрайтеры – подыскали для Дмитрия Анатольевича удобный выход из неловкого положения: объявить, что в будущем году мы будем отмечать 1150-летие российской государственности.

Вот так, 20 – и 1150. Дистанция огромного размера! Однако заявленное Д. А. Медведевым на пороге 2011 года чем-то было продиктовано, хотя выразили это писавшие текст весьма неуклюже. Да, двадцатилетняя, но не страна, а власть в стране. И, конечно, представляемый ею строй жизни. Совсем иной, нежели был при другой власти – Советской. Словом, двадцать лет идем по капиталистическому пути, куда страну хитроумным способом перевели с прежних социалистических рельсов. Может быть, памятуя о круглой дате государственного значения, президент имел в виду даже провести широкое празднование? А если, в конце концов, решили обойтись без него, все равно двадцатилетие это обязательно требует подведения и осмысления итогов. Почему же с таким подведением и осмыслением не выступили в юбилейные дни олицетворяющие власть президент и премьер-министр?

Почему власть промолчала? Ответ очевиден, но кто ответит...

У меня есть ответ на вопрос, который я поставил. Если предельно кратко, то скажу так: хотят избежать ответственности.

В самом деле, всем же очевидно, что, отчитываясь за минувшее двадцатилетие, похвастаться власти особенно нечем. Куда ни взгляни, везде падение. А ведь 20 лет хоть и не 1150, но на примере собственной страны, да и других тоже мы знаем, сколько всего можно сделать в такой исторический срок, как высоко подняться. За двадцатилетие после 1917-го стали индустриальной и образованной державой. За двадцатилетие после 1945-го вышли в космос. А что у нас после 1991-го?

Однако я все-таки ждал, что в нынешние августовские дни какие-то программные заявления от правящего тандема последуют. Как-никак для них это величайший праздник. Без 19 августа и всего последовавшего за ним не было бы президента Д. А. Медведева и президента, потом премьера В. В. Путина. А самое главное – не было бы такого устройства нашей жизни и такого положения нашей страны, какие мы имеем.

Хорошие? Для кого-то – очень! Для других – беда или, по меньшей мере, разочарование. Но в любом случае кто-то же должен нести ответственность за происшедшее в том августе и за этот новый наш исторический этап.

Конечно, прежде всего ответственные рвавшиеся к власти и обретшие ее. Ответственные и те, кто их поддерживал. Правда, теперь данные социологических исследований свидетельствуют: лишь около 10 процентов опрошенных считают провал ГКЧП победой «демократической революции». Тогда, в августе 1991-го, было иначе.

Эйфория давно кончилась. Тем более важно бы услышать от власти трезвый отчет за эти двадцать антисоветских лет. Молчание – не выход. Позиция страуса не прибавляет авторитета властителям.

В общем-то, они вроде бы не молчат, Дмитрий Анатольевич и Владимир Владимирович. Каждый день мы созерцаем их на телеэкране, и почти ежедневно каждый из них что-

нибудь изрекает. Например, что лесные пожары опасны, или, что детей при купании на море надо беречь. Но ответа на главное: где оказалась страна в результате августа-91 и почему получилось то, что получилось, не слышали от них даже к двадцатилетию тех роковых событий.

Заметна и тенденция отделить себя от них. Скажем, в употребляющемся выражении «лихие 90-е». Кто-нибудь скажет: действительно, не руководили же они тогда страной. Но я спрошу: а как насчет преемственности? От кого получил президентство Путин и кому открыл беломраморный памятник в Екатеринбурге Медведев?

Вот августовский юбилей за невыгодностью они предпочли замолчать, а ведь два других знаковых юбилея, выпавших на этот год несколько ранее, были «достойно» отмечены. Ельцинский – екатеринбургским памятником, горбачевский – высшим орденом Андрея Первозванного, который «герою августа» вручил лично президент страны. О чем это говорит? Правда, основное юбилейное торжество «Иуды всех времен и народов» прошло не в России, а в Лондоне, что, разумеется, абсолютно правомерно, однако прибыл туда Михаил Сергеевич уже с высочайшей наградой от российского президента.

В дни августовского двадцатилетия безобразно расплывшийся Горбачев, как и другие подельники Ельцина, не слезал с телеэкрана. Врал, врал, врал... Теперь-то уж всем должно быть совершенно ясно, что был он никаким не антиподом Ельцина, а именно основным его подельником в разрушении великой Советской державы. И как же ответил 19 августа на вопрос ведущего «Вестей» о том, счастлив ли он? Вполне по-горбачевски:

– Я думаю, что я счастлив... Может быть, я ошибаюсь?..

Трагедия страны (или праздник?) в зеркале медиа

Интересно было, как же отметят знаменательный августовский юбилей телеканалы, радиостанции, газеты.

Некоторые избрали то же решение, что и президент с премьером: сочли за благо на эту тему вообще промолчать. Сделать вид, будто ничего особенного двадцать лет назад не произошло в эти дни. Так, на шестнадцати страницах «Коммерсанта» за 19 августа о событиях 1991 года – ни одной, даже самой крошечной заметки! Ни единой строки! То же самое в предыдущих и последующих номерах, потому случайным такое не сочтешь. И объяснить это можно, по-моему, лишь одним: неоднозначностью отношения к тем событиям.

С одной стороны, конечно же, «коммерсанты» тогда победили, и это – праздник для них. Праздник торжества капитализма. Но с другой...

Почитайте, например, что высказал 19 августа в «Московском комсомольце» автор печально знаменитого «Ивана Чонкина» писатель Владимир Войнович. Он и статью свою назвал вызывающе «Путч продолжается». А продолжается знаете почему? Прочитирую:

«По логике, новая власть должна была бы ввести соответствующее наказание за попытку реставрации социализма. Она этого не сделала и создала предпосылки для массовой шизофрении, пребывая в которой до сих пор наше общество строит капитализм и хранит светлую память о злодеях, считавших капитализм своим злейшим врагом».

Войнович, правда, не обмолвился, насколько большинству нашего общества нравится строить капитализм и насколько по душе то, что из этого реально выходит. Но он убежден в следующем: «Важной мерой для закрепления народной (?) победы и необратимости свершенного была бы люстрация: отстранение от власти и недопущение к ней хотя бы наиболее одиозных слуг рухнувшего режима».

Люстрация – это запрет на профессии. То есть запрет имеющим коммунистические убеждения не только идти во власть, но и, скажем, преподавать в школах, вузах и т. д. А насчет «слуг рухнувшего режима», относительно которых вроде недоработочка произошла,

так ведь отстранять от власти надо было тогда в первую очередь Ельцина и почти всю его команду. Но кто же должен был их отстранить? Они сами?! Все войновичи, вместе взятые, на президентских выборах 1996 года, помнится, горой стояли за Бориса Николаевича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.